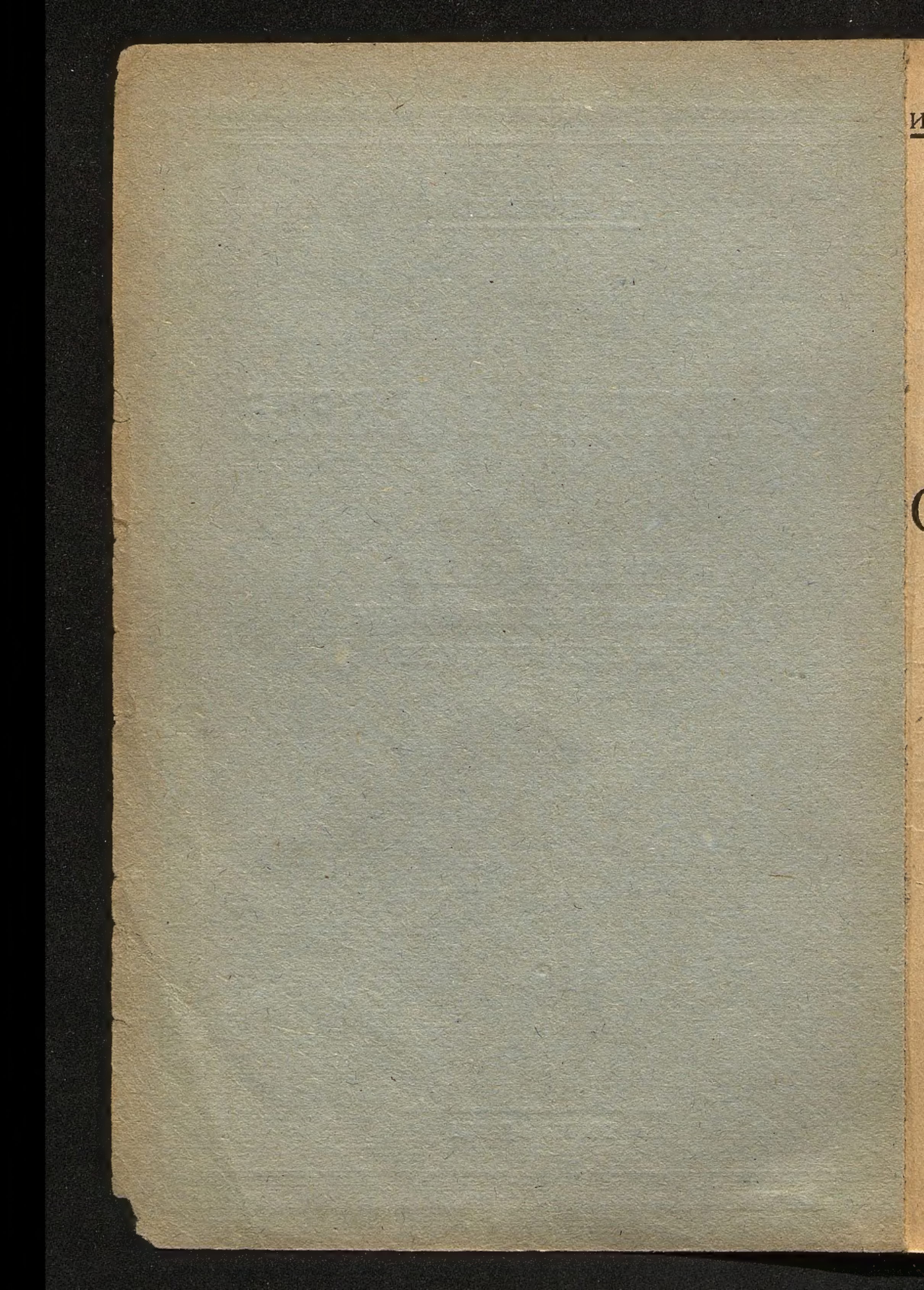
Н. ЯНЧЕВСКИЙ

ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

РОСТОВ н-Д. 1931

ИСТПАРТ СЕВ.-КАВ. КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

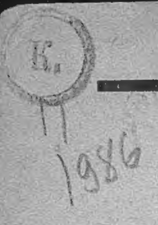
Н. ЯНЧЕВСКИЙ

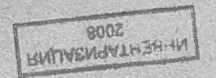
ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“
Ростов н-Д. 1931

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый краткий очерк ставит своей задачей показать широким массам героическую борьбу пролетариата и всех трудящихся Северного Кавказа на пути к социализму.

Очерк в основном является сокращенным изложением книги автора: „Гражданская борьба на Северном Кавказе“, изданной в 1927 году. По своему об‘ему и форме изложения упомянутая работа недоступна широким массам читателей и, кроме того, будучи издана в ограниченном количестве экземпляров, „Гражданская борьба на Северном Кавказе“ уже разошлась.

Однако, в настоящую работу внесены некоторые изменения и дополнения, на основании позднейших исследований, в частности по истории аграрного вопроса, казачества и колониальной политики.

Северный Кавказ находился в особых условиях: он представлял из себя колониальную окраину буржуазно-помещичьей России. Таким образом, перед автором стояла сложная задача изучения пролетарской революции, протекавшей в особых, совершенно своеобразных условиях.

В своей работе автор стремился вскрыть эти условия и обрисовать общий процесс пролетарской революции на Северном Кавказе, во всем его своеобразии.

Н. Янчевский.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Северо-Кавказский край являлся ареной ожесточенных классовых битв и важнейшей частью единого фронта борьбы пролетариата и всех трудящихся СССР с мировым империализмом, который, опираясь на кулацкую и буржуазно-помещичью контрреволюцию, превратил Северный Кавказ в базу для борьбы с победоносной пролетарской революцией. Именно в качестве оплота белогвардейщины Северный Кавказ и вошел в историю гражданской войны. Но такое представление о Северном Кавказе не совсем верно. Кратковременное торжество контрреволюции не вытекало из соотношения классовых сил на Северном Кавказе, а было обусловлено в значительной степени сначала германской оккупацией, а затем союзной интервенцией на юге России.

На пути к победе перед партией и пролетариатом на Северном Кавказе стояли исключительные трудности. И гражданская борьба и строительство протекали здесь в чрезвычайно сложной и совершенно своеобразной обстановке.

Во-первых, на Северном Кавказе с исключительной остротой стоял национальный вопрос. На протяжении столетий на Северном Кавказе мы видим не „вольную колонизацию“, как говорили историки прошлого, а колониальную политику, т. е. грабеж, истребление, порабощение и чудовищную эксплоатацию туземного населения. С XVI века, когда Иван IV в борьбе за рынки и торговые пути поставил наемные войска (казаков) на Дону, Тереке и Яике, который после пугачевского восстания был назван Уралом, и до 60-х годов XIX века, когда закончилось так называемое „замирение“ Кавказа,—помещики и капиталисты руками казачества сметали на своем пути все народы, порабощали их, изгоняли и отнимали у них земли. Черкесы на Кубани в XIX веке были истреблены так же, как ногайцы на Дону в XVI веке. Завоевание Кавказа повлекло за собой великий исход горских народов из России: так, в Турцию ушло более 300.000 черкесов, переселялись кабардинцы, чеченцы и ингуши, а их земли были взяты в казну и отданы дворянству и казачеству.

Таким образом, население Северного Кавказа, прежде всего, делилось на угнетенные национальности, к которым принадлежали горские и степные народы, и угнетателей — русское население, авангардом которого являлось казачество, как вооруженная сила, при помощи которой господствующие классы царской России грабили другие народы.

К началу XX века русские на Северном Кавказе составляли меньше половины всего населения — 3.196.233 человека из 6.346.725. Основная масса горских народов была сосредоточена в бывшей Терской области, где из 1.007.269 человек русское население составляло меньшинство — 394.466 человек. К степным народам относились калмыки, ногайцы, караногайцы, туркмены; к горцам — осетины, чеченцы, ингуши, кабардинцы, кумыки, черкесы (адыге), карачаевцы и балкарцы.

Кроме туземного населения, значительную часть населения Северного Кавказа составляли украинцы, армяне, греки и евреи[1].

Грань между угнетенными национальностями и угнетателями здесь была проведена кровью и железом. Колониальная политика царизма оставила на Северном Кавказе туго затянутый узел национальных отношений. Орудием угнетения являлось казачество, а жертвой — горские и степные народы, обезземеленные и загнанные в горы и безводные степи, лишенные порой возможности человеческого существования.

Горское крестьянство и степные кочевники находились под двойным гнетом: „своих" угнетателей (князей, дворянства, буржуазии) и царского правительства, которое держало степных кочевников и горцев в повиновении лишь при помощи насилия, опираясь, с одной стороны, на господствующие классы горских и степных народов, а с другой — на казачество. Различные по языку и находившиеся на разных ступенях социально-экономического уклада, горцы были об'единены ненавистью к угнетателям и мусульманской религией, которая в эпоху революции была использована панисламистами для борьбы против пролетарской революции.

При ликвидации крепостного права горские крепостники, подобно русским помещикам, себя не обидели. О том, как произошло „освобождение" крестьян у горцев, мы можем судить по карачаевцам и кабардинцам. После отмены крепостного права в Карачае „освобожденным" крестьянам земля не была выделена в Большом Карачае, а они были выселены в другие места. На 40.000 крестьян приходилось 206.083 дес. всей земли, на 126 карачаевских князей и дворян приходилось 237.035 дес. В Большой Кабарде из 324.000 дес. общего земельного фонда — 200 князьям и узденям было выделено 23% всей земли — 75.000 дес., а в Малой Кабарде 57 лицам было выделено 19% земли — 16.000 дес. с правом пользования общественными пастбищами.

После покорения Кавказа привилегированные сословия горских народов приобщились к правящим классам Российской империи, превратившись в офицеров царской армии. Вместе с ними над горскими массами господствовали торговый и ростовщический капитал, особенно в Чечне и Ингушетии, и деревенская буржуазия — кулачество—с их союзником—мусульманским духовенством.

Превращенные русскими колонизаторами в „инородцев", туземцы буквально вымирали, как, напр., кочевники Ставропольской

[1] Н. Янчевский, „Пятый год на Сев. Кавказе"

губернии, на почве голода прибегали к детоубийству, как, напр. в Осетии; полное обнищание толкало горских крестьян в абреки.

Кочевые народы были загнаны в безводные степи, а горские крестьяне в дикие, непроходимые ущелья. Все лучшие земли и леса были отобраны в казну или расхищены горской знатью, а затем розданы чиновникам, отведены под казачьи станицы или под русские поселения.

Царское правительство и господствующие классы горских народов держали горцев в темноте и невежестве, разжигали ненависть между горцами и казаками, с одной стороны, и между горскими народами, с другой. По сути дела вооруженная борьба на Северном Кавказе никогда не прекращалась, она только временами затихала и снова вспыхивала. Горский аул и казачья станица стояли друг против друга непримиримыми врагами.

Жители бесплодных гор зависели от долин. Так, жители Нагорной полосы ежегодно уплачивали за аренду 777 тысяч рублей, что в среднем составляло 7 руб. на мужскую душу[1]. Огромной тяжестью также ложились на горское крестьянство всякого рода налоги.

Чеченцы, ингуши и осетины разорялись и пролетаризировались. Они шли работать на грозненские промысла, на серебряные рудники, нанимались в батраки. Еще в 1896 году в одной терской газете писали из станицы Шелководской:

> „На время работ в виноградных садах сюда нашло много посторонних рабочих ногайцев, кумыков, русских, казаков из станиц, расположенных по реке Сунже. Цены на рабочие руки очень низки — от 20 до 30 к. в сутки".

Таким образом, капитал одинаково разлагал горский аул, казачью станицу и русскую деревню и гнал горцев, казаков и крестьян на заработки, об'единял их и противопоставлял капиталистам[2]".

Во-вторых, на Северном Кавказе до революции мы видим основную массу казачества бывшей Российской империи. Революционная романтика, по сути дела созданная либеральным дворянством и буржуазией, запутывала и затемняла вопрос о казачестве. Между тем „казачество Северного Кавказа являлось системой колониальной политики, первоначально (в XVI-XVII веках) в качестве наемного войска, а затем на Северный Кавказ, по мере его завоевания и истребления туземного населения, переносилась

---

[1] О горском малоземелье в 1906 году депутат Государственной Думы Маслов в своей речи говорил следующее: „Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у них чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожно земельное владение, напр., чеченца: одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины. Если вы спросите, сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля стоит там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова". Напр., в нагорной полосе на Тереке на одну мужскую душу приходилось пашни и сенокоса 1,6 десятины.

[2] Н. Янчевский, „Пятый год на Сев. Кавказе".

система сторожевой казачьей „службы с земли“, существовавшей на границах Московского государства еще в XVI веке. Эта архаическая система удержалась до революции.

„Казачьи войска, как система колониальной политики господствующих классов дореволюционной России, начали складываться с XVI века. Первоначально в XVI-XVII веках Донское, Терское, Яицкое (Уральское) и Волжское войска представляли собой наемных солдат, поставленных в важнейших военных пунктах, господствовавших над торговыми путями. Войска эти образовались не самопроизвольно, а по воле торгового капитала Московского государства, именно там, где было необходимо торговому капиталу, боровшемуся в этот период за торговые пути на Восток и монопольное обладание восточным рынком.

Войска на Дону, на Тереке и на Яике были поставлены на важнейших торговых путях, по которым с древнейших времен шла торговля между Востоком и Западом. Торговый капитал Московского государства закупорил эти торговые пути и направил торговый поток по новому пути — Астрахань-Архангельск. Организация казачьих войск на Дону и на Тереке являлась лишь необходимой частью общего плана по захвату персидского рынка и торгового пути по Волге.

По мере закрепления территориальных приобретений, эти наемные войска с переменным составом были реорганизованы в постоянные, „нерегулярные“ войска и несли пограничную службу со своим конем, вооружением и снаряжением за пользование землей. Такая система закрепления вновь завоеванных территорий практиковалась на Дону и на Кавказе до конца кавказских войн и была перенесена на восточные границы государства (напр., Дальний Восток, Средняя Азия).

Правительство насаждало и уничтожало такую систему в соответствии с задачами колониальной политики, формируя казачество из тех элементов, какие были под руками. Способ формирования, национальный и социальный состав казачества менялись на протяжении веков, незыблемой оставалась лишь социальная функция казачества, как орудия колониальной политики господствующих классов Московского государства, а затем Российской империи.

В дальнейшем казачество было приспособлено для несения полицейской службы как по отношению к горцам, так и по отношению к другим угнетенным национальностям (например, Польша), где были расположены казачьи части, а также по отношению к пролетариату и крестьянству. Казачьи части были расположены в крупных рабочих районах, в столицах, нанимались на службу к помещикам, правительство поощряло поступление казаков в городовые и стражники.

Сочетание военного и гражданского управления в казачьих областях, огромная роль дворянства, которое распоряжалось землей и фактически держало в своих руках власть над остальным казачеством, превращало казачью массу в слепое и тупое

орудие помещичье-царской России. Управление казачьими областями вплоть до революции сохранило в значительной степени дореформенный характер, при чем сама по себе „служба с земли“ являлась уродливым анахронизмом даже с чисто военной точки зрения.

Развитие капиталистических отношений, вовлечение казачьего хозяйства в водоворот денежного хозяйства убило казачество, как военную систему, т. е. как государственное крестьянство, отбывающее за пользование казенной землей своеобразную натуральную повинность — несение военной службы со своим конем, вооружением и снаряжением. Такая система, мыслимая лишь в условиях экстенсивного скотоводства, натурального хозяйства, низкой военной техники и крепостнического уклада, не могла существовать в условиях развитого капитализма, и натуральная повинность превратилась в очень тяжелый денежный налог, частью возмещаемый государством (выдача до войны 100 руб. на покупку лошади).

Так называемые привилегии казачества, т. е. по существу привилегии дворянства и буржуазии, вышедшей из рядов казачества, превратились или в архаизм (напр., право беспошлинной торговли, которая имела значение лишь при наличии средневековых внутренних таможен), или превратились в фикцию (освобождение казачества от налогов, при изменении всей налоговой системы). Более того, до революции казачество не только не пользовалось в правовом отношении привилегиями, но, наоборот, находилось в более бесправном положении, чем остальное крестьянство России: круговая порука, запрещение выхода из общины, запрещение отлучаться более чем на год, полукрепостная зависимость от военного ведомства, отсутствие самоуправления даже в том виде, в котором оно существовало у крестьянства,— все это превращало казачество в остаток дореформенного строя, когда еще существовали так наз. „ведомственные“ крестьяне.

Ко всему этому следует прибавить, что казачество, помимо отбывания натуральных земских повинностей, а также повинностей, вытекавших из военной службы — содержание строевых и коннoплодовых табунов и т. д.— платило земству денежный налог за землю, при чем за станичными обществами накопились значительные недоимки.

Название казачества „сословием“,— термин, значение которого в русском законодательстве очень неопределенно,— ведет свое начало от дореформенного строя, когда существовало деление на податные и неподатные сословия, когда казачество, как неплатившее, подобно крестьянству, подушного оклада, причислялось к неподатным сословиям.

Основная масса казачества, за исключением дворянства, являлась по существу так называемым государственным крестьянством, платившим за пользование казенной землей, взамен денежных налогов, натуральный налог, путем отбывания военной службы со своим конем, снаряжением и вооружением, который

к революции превратился в денежный налог 1 р. 40 к. с десятины. Заинтересованное в сохранении казачества, как системы колониальной политики, а также для несения полицейской службы, царское правительство организовало управление в казачьих областях таким образом, чтобы эта вооруженная сила содержалась не только за счет казачества, но и за счет неказачьего населения. Значительная часть казачества разорялась от тяжести натурального налога — военной службы, неказачье население точно так же сгибалось под тяжестью аренды, посаженной платы и других поборов, которые шли на содержание этой вооруженной силы.

Об'единяя дворянство и крестьянство под общим именем „казаков" и создавая „казачью" кастовую идеологию, правительство и дворянство казачьих областей, с одной стороны, затушевывали классовый антагонизм внутри казачества, с другой стороны, перекладывая общественные расходы на плечи иногородних, внушали казачеству, что оно по отношению к остальному крестьянству и вообще „иногороднему" населению является особым, привилегированным сословием. Сочетание военного и гражданского управления, служебная иерархия не только на службе, но и в быту, воспитание, а также фальсифицированная история казачества,— все это об'единяло казачество и подводило под него исторический фундамент.

Земля казачьих областей, за исключением перешедшей в частную собственность дворянства, а после ликвидации крепостного права — крестьянства, принадлежала казне, при чем казачество пользовалось землей не на праве полной собственности, а на праве владения и пользования, как и прочее государственное крестьянство.

Значительная часть „иногороднего" населения занималась сельским хозяйством на арендованной земле, не менее значительная часть составляла кадры батраков. Необходимо заметить, что среди иногородних арендаторов, а также среди крестьян казачьих областей существовали арендаторы капиталистического типа и „столыпинские мужички". Все эти, различные в классовом отношении группы об'единялись под именем „иногородних" с безземельной беднотой и батрачеством. „Иногородним" являлось также население городов и промышленных центров [1].

В третьих, на Северном Кавказе существовала поразительная пестрота в постановке аграрного вопроса. Здесь мы видим и казачество, и государственное крестьянство Ставропольской губернии, мало чем отличавшееся от казачества в экономическом отношении, и бывшее крепостное крестьянство Таганрогского, Ростовского и Донецкого округов, обезземеленное при ликвидации крепостного права, наконец, мы видим огромное неравенство в земельной обеспеченности казачьих станиц. Такое же неравенство в земельной обеспеченности существовало между горскими народами, между сельскими обществами в горах и на плоскости. Но лучшие земли на плоскости были заняты казачеством. Особен-

[1] Н. Янчевский, „Разрушение легенды о казачестве".

ностью казачьих областей Северного Кавказа являлось огромное развитие аренды, в том числе и между казачьим населением.

Земельный вопрос до революции на Северном Кавказе стоял несколько иначе, чем в Европейской России. По данным 1905 г. в Европейской России (не считая земель киргизов и калмыков) на 100 десятин приходилось 36 дес. надельной, 24 частновладельческой и 40 казенной. В Донской и Кубанской областях более 3/4 земель формально принадлежало казачеству, но лишь часть этой земли находилась в его фактическом пользовании. В б. Донской области на 100 десятин приходилось: юртовой земли — 56,2 дес., войсковой, т. е. казенной — 22,7 дес., надельной — 4,8, крестьянской — 7,3, частновладельческой — 10,4 и прочей — 0,6 дес. В б. Кубанской области на 100 дес. приходилось: основных наделов казачьих обществ — 63,2 дес., дополнительной надельной — 7,9, войсковой, т. е. казенной земли — 4,1, земли охотников-переселенцев 0,9, основных наделов крестьянских обществ — 2,8, общественно купленной земли — 0,2, товарищеской — 2,4, основных наделов горских обществ — 7,2, единоличных владений — 9,5, прочих — 1,8 дес.

В этих областях существовало резкое земельное неравенство между земельной обеспеченностью казачества и „коренного" крестьянского населения. В то время, как в Донской области на 1 мужскую душу казачьего населения приходилось 9,84 дес. удобной земли, на 1 мужскую душу крестьянства приходилось лишь 1,4 дес. удобной земли. В Кубанской области казачество имело на душу втрое больше земель, чем коренное крестьянство: в то время, как на душу населения казачьих станиц приходилось 2,36 дес., на душу населения крестьянских обществ 0,81 дес., коренного же крестьянского населения на Кубани насчитывалось 393,6 тыс.

„Иногороднее" население было совершенно лишено земли и занималось сельским хозяйством на арендованной земле. Между тем, иногороднего населения обоего пола в 1915 г. в Донской области числилось 1.124.053 чел., из которых сельским хозяйством занималось 727.254 чел., а в Кубанской области — 1.286.200 чел., из которых „оседлых" насчитывалось более 763.000 чел.

„Иногороднее" население арендовало земли у войска, у станичных обществ и у отдельных казаков. В 1912 году в Кубанской области (кроме Краснодарского отдела) из 59.430 хозяйств иногородних лишь 2.003 сеяли только на своей земле, а 56.477 — только на арендованной. В Донской области хозяйства неказачьего населения, составлявшие 53,8% всех хозяйств, точно так же прибегали к аренде. Здесь, в среднем, на 1 иногороднее хозяйство приходилось во владении 0,06 дес. земли, а на казачье — 17,1 дес. В 1901 г. войском было сдано в аренду 1.025.234 дес.

Иначе распределялся земельный фонд в Терской области. Здесь на 100 дес. приходилось 26 дес. юртовой земли, 4 дес. войскового запаса, 42 — горских народов, 27 — невойскового населения и 1 дес.— прочих. Между тем, из всего количества населения в 1.146.121 более половины составляли горцы — 593.847, тогда как казаков насчитывалось 250.548, крестьян—178.604 и прочих (мещан,

дворян и т. д.)—136.092 чел. При этом надо заметить, что казачество занимало лучшие земли на долинах, а горцы были оттеснены в горы (кроме Кабарды), где занятие земледелием часто невозможно и расчистка пашни требует большого труда. В 1911 г. на душу мужского пола в казачьих отделах приходилось 19,9 дес., из них 15 дес. удобной, а на 1 душу горского населения приходилось 9,5 дес., из них 6,3 удобной. В нагорной же полосе на 1 хозяйство приходилось удобной земли 1,2 дес. Особенно страдали от малоземелья Ингушетия, Осетия и Чечня.

В Ставропольской губернии на 100 дес. приходилось земли крестьянских обществ—68,7 дес., хуторов и отрубов—17,1, госуд. зем. имущества — 5,6 дес., частновладельческой, церквей, монастырей—7,3, прочей 1,33 дес.

Частновладельческие земли на Северном Кавказе занимали далеко не то место, как в Европейской России, хотя и здесь существовало крепостное право, оставившее обезземеленных крестьян, получивших в свое время, как напр., на Дону $4^1/_2$-$3^1/_2$ дес. земли на душу и где $^4/_5$ всей помещичьей земли (1.187.731 дес.) осталось у помещиков, не считая земли „беспоместной“.

Формальное деление крестьянства по категориям (казачество, государственное крестьянство, бывшие крепостные, „иногородние“) являлось пережитком средневековья. В условиях капиталистического развития классовая диференциация среди казачества и крестьянства протекала усиленным темпом, хотя правительство всячески препятствовало пролетаризации казачества. Однако, уже в 1898 году, по официальным данным, 33,4% казачьих хозяйств б. области войска Донского не имели возможности самостоятельно вести хозяйство. О классовой диференциации казачества и крестьянства мы можем судить по Дону. К революции из 239.854 казачьих хозяйств совершенно оторвалось от земли 18.755, сеющих хозяйств было лишь 183.127; по количеству скота казачьи хозяйства распределялись следующим образом: 65.697 хозяйств имели 0—1 голову рабочего скота, 70.428 имели 2-3 головы, 53.819 имели 4-5 голов, а 31.152 имели более 6 голов. Казачья беднота и середняцкая часть казачества, не имевшая в своем распоряжении достаточного количества рабочего скота и инвентаря (с основным инвентарем было лишь 83.647 хозяйств из 239.854), сдавала землю в аренду, и эта земля поступала в руки кулацкой части казачества. Из общего количества хозяйств 239.854 сдавало в аренду 122.084 хозяйства 1.266.796 десятин, арендовало 98.266 казачьих хозяйств — 1.433.978 дес., из них 967.435 дес. у казаков. Что касается „коренных“ крестьян, то из 144.000 хозяйств 15.652 принадлежало к безземельным, 68.000 имело до 4 дес., 39.000—от 4 до 10 дес. и лишь 30.348 имело более 10 дес.

Не были однородны и хозяйства „иногородних“. На Дону кроме Черкасского округа, из 26,832 иногородних хозяйств вели хозяйство 11.440, а 15.492 не вели хозяйства. Иногородние хозяйства арендовали 330.042 дес. земли, главным образом, станичной общественной и войсковой. По рабочему скоту иногородние хо-

зяйства распределялись следующим образом: 4.486 хозяйств имели 0—1 голову рабочего скота, 3.300 имели 2-3 головы, 1.989 имели 4-5 голов и 1.665—6 и более.

К революции на Северном Кавказе вырос значительный слой „столыпинского" кулачества. Например, на Дону насчитывалось 19.909 домохозяев, укрепивших землю, Ставропольская губерния по „столыпинскому" землеустройству занимала одно из первых мест в России. Таким образом, рядом с кулацкой частью казачества, хищнически эксплоатировавшей казачью и неказачью бедноту при помощи отработков, грабежа станичной земли и пр., выросло кулачество капиталистического типа.

В четвертых, мы видим на Северном Кавказе пеструю смесь социально-экономических укладов — от патриархально-родового в Чечне, угнетаемой торговым и ростовщическим капиталом, до мощного пролетариата в крупнейших промышленных центрах — Ростове, Грозном, Новороссийске, Армавире, Таганроге и Донецком бассейне, где к революции насчитывалось 106.000 рабочих.

В пятых, на Северном Кавказе огромную роль играл иностранный капитал, вложенный в нефть, уголь, металлургическую, металлообрабатывающую и табачную промышленность, транспорт, коммунальные предприятия и банки. В руках иностранного капитала точно так же находился и экспорт хлеба. О роли иностранного капитала в основных отраслях хозяйства Северного Кавказа могут дать представление следующие данные. В нефть были вложены по преимуществу английские капиталы: кубанская нефть почти целиком находилась в руках английского капитала, в грозненскую нефть английско-голландской банковской группой было вложено 31 млн. руб., франко-бельгийской — 9 млн. руб., группой Нобеля — 1 млн. руб. В каменный уголь Донбасса были вложены по преимуществу французские капиталы: из 140 млн. руб. на долю иностранцев приходилось 81%, из них французам принадлежало 94%, немцам — 5,5%, англичанам—0,5%. Таким образом, иностранному капиталу принадлежали командные высоты на Северном Кавказе. Иногородняя, казачья и горская буржуазия являлась на Северном Кавказе приказчиком иностранного капитала и теснейшим образом была с ним связана. Пролетариат Северного Кавказа и бедняцко-середняцкая масса крестьянства, в том числе и казачества, основная масса которого являлась середняцкой, а также горское крестьянство, были противопоставлены единому фронту эксплоататоров от станичного кулака и чеченского ростовщика до миллионера — чеченца Чермоева и „торгового казака" Парамонова, связанных с иностранным капиталом, до французских и английских империалистов, боровшихся за нефть и уголь Северного Кавказа.

В 1917 г. перед пролетариатом Северного Кавказа стояла сложная задача: необходимо было отвоевать горское крестьянство у панисламистов и буржуазных националистов, освободить казачество от влияния казачьего дворянства, об'единить горское крестьянство с трудовым казачеством, крестьянством и „иногород-

ними батраками и мелкими арендаторами для борьбы, под руководством партии и рабочего класса, против иногородней, казачьей и горской буржуазии, горских князей и дворян, казачьих и иногородних дворян-помещиков за торжество пролетарской революции. На втором этапе революции необходимо было, говоря словами Ленина, „выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне", развертывание классовой борьбы в деревне, станице и ауле.

Пролетариат Северного Кавказа, поставленный в сложные условия, обладал к Октябрьской революции богатым опытом революционной борьбы. Начиная со стихийного выступления рабочих в Ростове в 1879 г., через историческую стачку в 1902 г., открывшую новый этап в истории рабочего движения в России, как начало массовой борьбы пролетариата, затем через вооруженную борьбу на баррикадах Ростова в 1905 г., Новороссийскую и Сочинскую республики,— пролетариат Северного Кавказа пришел к Октябрю, вооруженный опытом и революционным энтузиазмом.

Героический путь борьбы пролетариата и всех трудящихся Северного Кавказа распадается на отдельные периоды:

Первый период охватывает промежуток времени до марта 1918 г. Содержанием его является борьба пролетариата за власть. Февральская революция поставила у власти на Северном Кавказе в городах — буржуазию, в казачьих областях — казачье дворянство, в горских областях, в зависимости от экономического уклада,— или помещиков - феодалов, или националистическую буржуазию, или экономически мощные и влиятельные родовые группировки с их общим союзником—мусульманским духовенством. Меньшевики и эсеры усыпляли бдительность рабочего класса и крестьянства, выполняя роль агентов контрреволюции в рядах рабочих и крестьян. К Февральской революции в крупнейших рабочих центрах края существовали большевистские организации, наиболее значительными из которых являлись ростовская и краснодарская. Развивая широкую агитацию, организуя пролетариат, вырывая его у социал-соглашателей, партия к Октябрю 1917 г. повела его на штурм капитала. 8 декабря 1917 г. пролетариат взял власть в Новороссийске, 14 января в Ставрополе, 25 января в Ростове, 14 марта в Екатеринодаре и 17 марта на Тереке. В борьбе за власть пролетариат Северного Кавказа имел верных союзников в основной массе обезземеленного крестьянства, иногородней бедноты, горцев и трудового казачества. В борьбе с Калединым ростовская организация опиралась на трудовое казачество Дона. В Ставропольской губернии основные массы бедняцкого и середняцкого крестьянства целиком шли за партией точно так же, как и на Черноморье. На Тереке, где национальный вопрос являлся основным, партия отвоевала горское крестьянство у буржуазных националистов и нашла в нем полную поддержку. Буржуазная белая гвардия Ростова и Екатеринодара, казачье дворянство с офицерскими погонами, которое говорило

от имени всего казачества, а также горское дворянство и буржуазия были сметены революционным шквалом.

Второй период охватывает промежуток времени до января 1919 г. Содержанием его является вооруженная защита революции. Захватив власть в важнейших пунктах края, пролетариат в июле 1918 г. об'единил отдельные советские республики в Северо-Кавказскую советскую республику.

Пролетарская революция на Северном Кавказе вступила в новую фазу своего развития—началось развертывание классовой борьбы в деревне. Значительный слой как казачьего, так и иногороднего кулачества восстал против пролетарской диктатуры. В различных частях края, в зависимости от общих предпосылок, этот процесс принимает различные формы. На Тереке об'единяется казачье и иногороднее кулачество и под руководством эсеров создает, так называемое, „Казачье-крестьянское правительство". В Ставропольской губернии вспыхивают восстания иногороднего кулачества. На Дону и Кубани, где основную массу пролетарских и полупролетарских элементов деревни составляло иногороднее население, а основную массу кулачества казачье население, среди которого не было безземельных, — классовая борьба в деревне воспринималась, как борьба казачества и „иногородних". Такая постановка вопроса помогла казачьему дворянству и кулачеству перетянуть на свою сторону середняцкое и даже бедняцкое казачество. Вместе с тем, значительный слой иногороднего кулачества и зажиточного крестьянства Дона и Ставрополья был поставлен об'ективными условиями в ряды защитников революции и рука об руку с пролетарской и полупролетарской массой иногороднего населения боролся против помещичье-кулацкой казачьей контрреволюции.

Из соотношения сил на Северном Кавказе не вытекало неизбежности поражения советской власти. Кулацкие восстания были подавлены, но против Северо-Кавказской советской республики образовался единый фронт из германо-турецкого и союзного империализма, российской буржуазии и помещиков, кулацкой контрреволюции, эсеровско-меньшевистского предательства и горских полуфеодалов и буржуазных националистов. Деникинская „добровольческая" армия была создана на деньги союзников, красновщина опиралась на германские, а горское правительство—на турецкие штыки. Солидарность классовых интересов империалистов воюющих стран, российской и горской буржуазии, помещиков и кулачества в борьбе с пролетарской революцией выступает на Северном Кавказе в совершенно обнаженном виде.

Под руководством коммунистической партии пролетариат, крестьянство и горские народы Северного Кавказа оказали наступавшей контрреволюции упорное сопротивление. Против белогвардейщины развернулось массовое партизанское движение, которое оформлялось и организовывалось под руководством партии и пролетариата. Так, на Северном Кавказе из разрозненных партизанских отрядов возникла XI (Северо-Кавказская) армия, об'еди-

нившая рабочих, бедняцко-середняцкие массы крестьянства, горских крестьян и трудовое казачество против мировых империалистов, помещиков и буржуазии, опиравшихся на кулацкие восстания и эсеровско-меньшевистское предательство. Контрреволюция наступала с севера на юг: весной 1918 г. пала Донская республика, летом—Ставропольская (окончательно в ноябре), осенью—Кубано-Черноморская и в начале 1919 г.—Терская народная республика.

Третий период охватывает промежуток времени до января 1920 г. Содержанием его является борьба с контрреволюцией.

Победа контрреволюции открывает новый этап борьбы, которая не прекращалась ни на один момент. Наряду с Красной армией, которая вела фронтовую войну против южной белогвардейщины, на Северном Кавказе не затихала вооруженная борьба ушедших в горы, плавни и леса красных партизан. Кровавая расправа белогвардейцев с русским и горским крестьянством, введенный в систему белый террор привели лишь к тому, что на Северном Кавказе к концу деникинщины повсюду пылал революционный пожар. Горское крестьянство боролось против белогвардейцев рука об руку с русским пролетариатом и крестьянством, выступая против туземных, русских и иностранных капиталистов. Оно на опыте убедилось в лживости буржуазных националистов, в предательстве ими интересов трудящихся, и из-под зеленого знамени Магомета ушло под красное знамя Октября. Основная масса казачества отказалась служить орудием иностранного империализма, российских помещиков и буржуазии, кубанские казачьи полки уходили обратно с фронта. Деникин и „демократическая“ Кубанская рада расстреливали кубанских казаков, и к концу деникинщины выросло казачье повстанческое движение против „Добровольческой“ армии. 8 января 1920 г. Первая конная армия, переброшенная из Донбасса к берегам Азовского моря, заняла предместья Ростова на Дону, 9 марта была занята Тихорецкая, 17 марта—Екатеринодар, который стал Краснодаром, 27 марта Красная армия заняла Новороссийск. Северный Кавказ был очищен от белых. Мощным напором Красной армии и трудящимися Северного Кавказа „Добровольческая“ армия и связавшее свою судьбу с Деникиным казачье дворянство и кулачество были выброшены за пределы уже советского Северного Кавказа.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В феврале 1917 года на Северном Кавказе „революции“ в собственном смысле слова не было. Высшие чины администрации сами устранились с политической арены, так как уже не существовало той власти, которой они служили. Господствующие классы принимали все меры к тому, чтобы сохранить „спокойствие“ и представить свержение самодержавия не в качестве насильственного акта, а как добровольное отречение Николая II для „блага народа“. В некоторых случаях, как, например, в Сочи,

об'явление царского отречения сопровождалось молебном, а городовые кричали „ура".

Насколько была напугана и растеряна царская администрация, видно из следующего факта: при известии об отречении Романовых от престола областное правление войска Донского постановило опубликовать об этом в официальной газете и „по исполнении дело зарешить". Так слуги самодержавия встретили его падение!

Февральская революция вскрыла национальные и классовые противоречия, существовавшие на Северном Кавказе, при чем среди казачества развертывание классовой борьбы тормозилось целым рядом причин, о которых мы говорили в предыдущей главе. Прежде всего, Февральская революция вызвала к жизни Комитеты общественной безопасности и Гражданские исполнительные комитеты, сменившие царскую администрацию. Комитеты общественной безопасности (Ростов, Новороссийск, Ставрополь), Гражданские исполнительные комитеты (Екатеринодар, Пятигорск, Владикавказ) являлись в первые дни революции организующими центрами буржуазии, придатками к назначенным Временным правительством комиссарам. В Екатеринодаре, например, где Гражданский комитет постановил ввести в городскую думу представителей от Совета рабочих депутатов (в то время меньшевистско-эсеровского), комиссар Временного правительства кадет Бардиж нашел этот шаг слишком революционным.

В Ростов комиссаром Временного правительства был назначен кадет Зеелер, на Кубань—крупный землевладелец Бардиж, в Ставропольскую губернию—член Государственной думы Старлычанов, в Черноморскую губернию—сначала кадет Н. Н. Николаев, которого сменил (по ходатайству с'езда советов) Н. Долгополов, в Терскую область — М. Караулов, которого сменил Михайлов. В общем представители „революционной" власти были достойными слугами Временного правительства. Впоследствии Зеелер вместе с генералом Потоцким, участвовал в расстреле ростовских рабочих, Бардиж совместно с ген. Покровским был организатором контрреволюции на Кубани и расстрелян в Туапсе, Караулов разжигал национальную ненависть на Тереке и, заслужив ненависть рабочих и горцев, был убит солдатами на ст. Минеральные Воды, а Долгополов сбежал из Новороссийска к кубанским контрреволюционерам. Лишь Старлычанов, под напором ставропольского крестьянства, во-время сложил с себя власть, но и тот, как теперь выяснилось, оказался провокатором.

В казачьих областях края: на Дону, на Тереке и на Кубани буржуазии пришлось делить власть с казачьим дворянством, представлявшим из себя реальную силу, в руках которой находился весь административный аппарат. Если в процессе революции казачество в целом являлось оплотом российской помещичье-буржуазной реакции, то в казачьих областях положение было иное: здесь фактически хозяином положения являлось казачье дворянство, отодвинувшее буржуазию на задний план.

Казачье дворянство не выпускало из рук ни власти, ни земли. На открывшемся 26 мая 1917 г. Донском войсковом круге Каледину был вручен атаманский пернач с грамотой: „По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенному волею Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим войсковым атаманом". Кругом было организовано Донское правительство, которое и являлось фактической властью в донской станице.

Возродилась и архаическая Войсковая рада запорожцев на Кубани, открывшаяся 17 (30) апреля. „Новое правительство,—заявил Раде комиссар Временного правительства Бардиж,—будет уважать право казачьего самоуправления, право, которое завоевано кровью наших предков. Казачество свободолюбиво, но оно знает, где кончается свобода и где начинается анархия. Казачество всегда будет оплотом законности и порядка". Таким образом, Временное правительство оставляло за казачеством его полицейские обязанности. Создав Войсковое правительство и избрав атаманом Филимонова, Рада закрылась.

Одновременно организовалось и казачье дворянство Терека. 14 (27) марта во Владикавказе был созван Казачий круг, на который приехал член Государственной думы М. А. Караулов. Круг избрал Войсковое правительство и атаманом, взамен арестованного атамана Флейшера, Караулова. Принятое Кругом положение об управлении ничем существенным не отличалось от дореволюционного. Казачье дворянство весьма недвусмысленно предлагало от имени всего казачества казачью плеть буржуазно-помещичьей России для защиты от революции. § 12 программы „Казачьей партии" гласил, что „воинские казачьи части, с разрешения Войскового круга, могут быть употребляемы для подавления внутренних народных волнений в России".

Вопрос о контрреволюционной роли казачьих окраин в русской революции был ясен В. И. Ленину задолго до Октябрьской революции. Еще в 1907 году В. И. Ленин в полемике с Плехановым и Масловым по вопросу об аграрной программе, касаясь казачьей „муниципализации", писал:

> „Раздробленность областей есть гарантия от революции. Если русское крестьянство (при помощи централизованного, а не „областного" пролетарского движения) не сумеет разорвать рамок своей областной отчужденности, не сумеет организовать всероссийского движения, то революцию всегда будут разбивать представители отдельных, хорошо поставленных областей, которых централизованная сила старой власти будет направлять в борьбу, смотря по надобности.
>
> Муниципализация есть реакционный лозунг, идеализирующий средневековую обособленность областей, притупляющий в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции".
>
> (Аграрн. программа соц.-дем. в рус. револ., т. IX, стр. 526).

В той же статье В. И. Ленин писал, что „казачье землевладенье годится не только в случае реставрации, а и для поддержания того, что должно быть свергнуто раньше, чем быть реставрированным". Эти положения В. И. Ленина относительно окраин и казачества целиком оправдались в 1917 году.

Вскоре после Февральской революции, в конце марта 1917 г., в Петрограде состоялся с'езд представителей казачьих войск, положивший основание „Союзу казачьих войск", который и являлся одним из составных элементов контрреволюции. Этот с'езд формулировал те положения, которые легли в основу аграрных программ казачества Дона, Кубани и Терека.

Сущность этих положений заключалась в том, что „каждое казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями самостоятельно и независимо". О казачьей „муниципализации" и ее реакционности В. И. Ленин в свое время писал:

> „На почве этой „муниципализации" развиваются чисто феодальные отношения. Эта фактически существующая муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размере землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. „Муниципализация" помогает не обще-демократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь как централизованная сила, отчуждению одной области от другой". (Цит. соч., стр. 525).

Ту же позицию занял состоявшийся в июне с'езд 12 казачьих войск, принявший устав „Всероссийского союза казачьих войск" и подтвердивший неприкосновенность казачьей „муниципализации". По земельному вопросу с'езд вынес следующую резолюцию:

> „1) все земли казачьих войск: леса, рыболовные воды и прочие угодья со всеми недрами, как историческое достояние казачества, составляют неот'емлемую неприкосновенную собственность каждого казачьего войска; 2) казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями, водами, лесами и недрами самостоятельно и независимо; 3) все частновладельческие земли, выделенные из войсковых территорий, а также казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, без исключения должны быть возвращены в собственность каждого данного казачьего войска на общих основаниях для всей России, которые выработает Учр. собрание; 4) земли крестьянские остаются в распоряжении крестьян".

Революционная фразеология этой программы никоим образом не может скрыть ее контрреволюционной сущности, т. е. сохранения казачьей обособленности по отношению ко всей России и внутри казачьих областей. Было бы, конечно, ошибочно полагать, что казачество было однородно экономически и политически. Казачье дворянство, пользовавшееся правами всероссийского дворянства, включая право выхода из казачьего войска, экономически представляло из себя класс землевладельцев, поэтому интересы этой группы теснейшим образом были связаны с интересами российского дворянства. Эта группа именно в отторжении казачьих областей от остальной России искала гарантии от революции вообще, в том числе и в казачьих областях. Но до поры до времени классовые противоречия внутри самого казачества не принимали характера сколько-нибудь серьезной борьбы, и до самой авантюры Корнилова мы видим единый казачий фронт, во главе с казачьим офицерством, тесным образом связанным экономически и политически с помещичье-царской Россией.

Хотя интересы основной бедняцко-середняцкой массы казачества и не сталкивались с интересами основной бедняцко-середняцкой массы крестьянства и пришлого „иногороднего населения“— но политика прошлого, разжигавшая вражду между казаками и „иногородними“ еще довлела над середняцкой массой казачества, а засилье дворянства и кулачества было достаточно крепко.

Казачье дворянство и кулачество пытались обосновать свое право на землю и привилегии, опираясь не на аннулированные революцией царские „жалованные“ грамоты, а на „право, завоеванное кровью предков, добытое потом славных дедов и отцов“. Но за этой словесной мишурой и реставрированной стариной скрывались интересы крупного земельного собственника — казачьего генерала и офицера и казака-кулака, которые держались один за другого в общей борьбе против батраков и арендаторов-иногородних в пределах казачьих областей, а за пределами этих областей против „иногороднего“ русского крестьянства.

В казачьих областях самые невинные демократические поползновения с первых же дней наталкивались на упорное сопротивление дворянства и кулачества. Февральская революция, естественно, должна была вскрыть антагонизм между иногородним населением, претендовавшим на участие во власти, и казачеством. Однако, казачество, как мы уже видели, далеко не было склонно отказываться от „права, завоеванного кровью предков“, хотя в Кубанской области в первые месяцы революции и был опыт приобщения иногородних к власти, закончившийся крахом демократических иллюзий. Неизбежно встал вопрос о земле.

На Дону созванный в мае 1917 года крестьянский с‘езд Донской области высказался в том смысле, что в будущем не должно быть ни войсковой, ни групповой земли. На Кубани на открывшемся 9 (22) апреля Областном с‘езде уполномоченных от населенных пунктов встал вопрос о земельных и других „привилегиях“ казачества. С‘езд передал власть на местах Гражданским комитетам а в смешанных населенных пунктах сохранил двойственность управления и власть атамана. С‘ездом был избран комитет из казачества и иногородних, с участием горцев, и на тех же основаниях Областной совет. Однако, постановление с‘езда о передаче власти Гражданским комитетам не было проведено в жизнь, так как Бардиж издал приказ о том, что Гражданские комитеты не являются органами власти. 17 (30) апреля собралась Кубанская краевая рада и об‘явила казачьи земли собственностью казачества, оставив иногородним лишь их земли. Так, прикрываясь интересами всего казачества, дворяне пытались сохранить свои земли.

Рабочий класс Северного Кавказа был не только малочислен и, в значительной части, распылен среди земледельческого населения (батрачество), но, как и пролетариат всей России, к моменту Февральской революции был недостаточно организован. Лишь Февральская революция дала возможность пролетариату собрать свои силы. Однако, организация пролетариата и самоочищение его от меньшевистской и эсеровской скверны потребовали много

времени. К моменту Февральской революции почти всюду на Северном Кавказе существовали об'единенные социал-демократические организации. Лишь по мере оформления и обособления большевистских организаций, — а это оформление протекало неодинаковым темпом в различных частях края, — Советы начинают превращаться в подлинные органы пролетарской политики.

Перед революцией нарастала новая волна рабочего движения и усилились забастовки. В области войска Донского забастовки были в Таганроге, Ростове, в Макеевке. Бастовали крупные предприятия: в забастовке на заводе „Лели" (Ростов) принимало участие 2.144 человека, в Ростове же на фабрике Асмолова—2.660 работниц. К экономическим требованиям (основное — повышение заработной платы) примешивались также и политические мотивы. 9 января одно из крупнейших предприятий Ростова — завод „Аксай" отметил однодневной политической стачкой. Одновременно происходит оживление политического движения. В Екатеринодаре устраиваются собрания социалистов и анархистов, а к годовщине 9 января было выпущено с.-д. несколько прокламаций. В крупных рабочих центрах — в Макеевке, Ростове, Екатеринодаре[1] — развертывали работу большевики, на которых указывают жандармские данные.

На Дону к моменту Февральской революции большевистская группа в Ростове была невелика. В половине марта большевики выделились из об'единенной организации под названием Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП (большевиков), а меньшевики именовали себя Донским комитетом РСДРП. Совет рабочих депутатов в Ростове организовался 2 марта. На Кубани (в Екатеринодаре), к моменту Февральской революции только что разгромленная большевистская группа была немногочисленна. Но постепенно большевики завоевывали рабочие массы, хотя до осени подавляющее большинство мест в Совете принадлежало меньшевикам и эсерам.

На Тереке (во Владикавказе), большевистская группа начала свое существование с апреля 1917 года, но до Октябрьской революции существовала об'единенная с.-д. организация. Даже после Октябрьского переворота большевики хотя и имели на массы большое влияние, но не обладали вооруженной силой, и лишь в конце 1917 года к большевикам переходит руководство Советом во Владикавказе. Более или менее заметное выступление большевиков на Тереке относится ко времени июльских дней в Петрограде. В Пятигорске большевики выделились из об'единенной с.-д. организации лишь к осени 1917 года. Среди рабочих и солдатских масс большевики пользовались огромным влиянием.

В Грозном — единственном пролетарском центре среди бушующего моря горской и казачьей междуусобицы—организация с.-д. возникает с момента Февральской революции, об'единяя до начала мая большевиков и меньшевиков. Совет рабочих депутатов возник в Грозном в апреле 1917 года и первым председателем его

---

[1] В настоящее время — Краснодар.

был избран большевик Анисимов. Большевистской организации удалось впоследствии распропагандировать расположенный в Грозном 111 запасный пехотный полк, который, после отказа ехать на фронт, был разоружен и расформирован. Одновременно с этим казачество разогнало и эсеровско-меньшевистский совет. В сентябре была созвана в Грозном первая партийная конференция Терской области.

В Новороссийске Совет рабочих и солдатских депутатов был избран в марте 1917 года и состоял первоначально почти из одних эсеров и меньшевиков. Из 108 человек членов Совета было лишь 3 большевика. С первых же шагов между Советом и комиссаром Временного правительства (кадет, член 4-й Государственной думы) Н. Николаевым возникли прения по вопросу о власти, на участие в которой претендовал Совет. 24 мая (6 июня) на почве недовольства правительственным комиссаром Н. Н. Николаевым Совет устранил его от занимаемой должности. Вопрос о смене комиссара обострился на губернском с'езде советов, который постановил просить о замене Н. Николаева П. Долгополовым, что и было Петроградом удовлетворено.

Задача большевистских организаций в этот период сводилась в основном к разоблачению Временного правительства и его агентов на местах, разоблачению социал-соглашателей, раз'яснению массам, что советы являются единственно возможной формой революционного правительства, что земля должна быть национализирована и что грабительская империалистическая война должна быть закончена. Большевики развернули борьбу за обладание советами, профсоюзами, развивали широкие кампании при выборе городских дум, разоблачая социал-соглашателей, боролись за 8-часовой рабочий день. Лозунги партии о прекращении империалистической войны, о переходе земли в руки трудящихся, о переходе власти в руки советов находили отклик в широких массах рабочих, крестьян и трудового казачества. Например, в Ростове (18 июня) и в Екатеринодаре (13 июня) состоялись демонстрации против „Займа свободы". 2 мая общее собрание рабочих Русско-Балтийского завода в Таганроге писало в резолюции, что буржуазия, содрогнувшаяся от размаха рабочего движения, встала на контрреволюционный путь, она прямым и косвенным образом приводит производство к остановке, создает усиление безработицы и т. д. 2 июня Крестьянский с'езд области войска Донского вынес резолюцию с требованием передачи всех земель, в том числе юртовых и войсковых, в общеземельный фонд и уничтожения сословий. На районном с'езде в Армавире казаки и крестьяне требовали уничтожения сословий и передачи земли трудящимся.

Первым шагом советов явилась ликвидация жандармерии и установление милиции (Таганрог, Екатеринодар), отправив ее на фронт (Владикавказ), роспуск цензовых городских дум (Ростов). По всему краю развернулась борьба за 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы. В Александро-Грушевск СРД 15 (28) марта постановил увеличить заработную плату и установить 8-часовой рабочий день. Владикавказский, Таганрогский, Ро-

стовский СРД вынесли постановления о введении 8-часового рабочего дня. В борьбе за 8-часовой рабочий день советы столкнулись с сопротивлением промышленников. 30 мая (12 июня) в Новочеркасске было созвано совещание углепромышленников, требовавших увеличения производительности труда. В ответ на требования рабочих промышленники стали закрывать предприятия. Начался саботаж.

На революционное движение в Ставрополе наложили печать крестьянский характер губернии, почти полное отсутствие пролетариата, плохая связь с центром и слабость организации. Ставрополье являлось богатым хлебородным крестьянским краем. Во всей губернии было лишь два поселения городского типа — Ставрополь и Святой Крест, первый с населением в 60 тысяч, а второй — в 10 тысяч. Эта однородность при тонком слое пролетариата привела к тому, что революционное движение потребовало значительного времени для своего оформления. Приблизительно до конца 1917 года ставропольские социалисты работали вместе, и лишь после этого начинается размежевание. К этому времени из об'единенной организации с.-д. выделились большевики. Вскоре после февраля был организован и Совет рабочих депутатов, но там до осени хозяйничали эсеры и меньшевики, не допускавшие в Совет не только большевиков, но и вообще революционно настроенных представителей на том основании, как выразился один из руководителей Совета, что, среди них могут „оказаться провокаторы“.

В июльские дни пролетариат Северного Кавказа, в значительной части распыленный по станицам, где клокотала глухая вражда, где иногороднее население еще не закрепило за собой политических прав, был поставлен в очень сложные и тяжелые условия.

Июльские события нашли живейший отклик в большевистских организациях края[1], 16 (29) июля общее собрание ростово-нахичеванской организации одобрило деятельность петроградской большевистской организации, взявшей на себя руководство стихийным движением рабочих масс 3-5 июля и вынесло протест против грязной клеветы; екатеринодарские большевики 9 (22) июля организовали демонстрацию сочувствия рабочим Петрограда. Отдельные выступления были по всему краю.

На Северном Кавказе июльские дни точно так же послужили толчком к консолидации контрреволюционных сил. Переход власти в руки Кавеньяков здесь существенно облегчался тем, что в трех областях—Донской, Кубанской и Терской—гражданская власть и военная сила были и до этого времени сосредоточены в руках казачьего дворянства, опиравшегося до возвращения фронтовиков на забитых военной муштрой стариков - казаков и кулачество. Настал час, когда буржуазии потребовалась та помощь, которую

[1] О соотношении сил между меньшевиками и большевиками можно судить по представительству на Северо-Кавказском об'единенном с'езде РСДРП, открывшемся в Пятигорске 4 (17) августа, где из 24 делегатов было 14 меньшевиков, 9 большевиков и 1 интернационалист.

от имени казачества обещал на Казачьем с'езде 8 (21) июня представитель Кубани Макаренко, угрожавший врагам тыла нагайкой.

Здесь буржуазии не надо было отдавать власть в руки Кавеньяков. Реальная власть и до этого времени находилась не у Гражданских исполнительных комитетов, а у казачьего дворянства. Еще задолго до июльских дней 10 (23) июня Войсковой круг на Дону постановил отозвать из Донского исполнительного комитета каз ков и взять управление всей гражданской и военной частью „касающейся казачьего населения области", т. е. по существу реставрировать, дореволюционную систему управления, при которой иногородние, в том числе и буржуазия, не пользовались никакими правами. На Кубани точно так же Войсковой совет постановил 4 (17) июля ликвидировать Обл. исполнительный комитет и Обл. совет, передав власть Войсковому правительству. Это было санкционировано Врем. правительством, которое, таким образом, обратило иногороднее население Кубани „в первобытное состояние".

Керенский 6 (19) июля предложил Каледину „всеми имеющимися средствами охранять порядок в Донской области, не допуская противоправительственных выступлений, вооруженных демонстраций и открытого неповиновения..." Таким образом, были восстановлены полицейские обязанности казачества, и „демократия" оказалась под сапогом атаманов. Войсковой круг Терского казачьего войска 5 (18) августа постановил ходатайствовать о введении военно-революционных судов и смертной казни, подчинить все казачьи строев е части, находящиеся в Терской области, только атаману и предоставить ему чрезвычайные полномочия.

Оказавшись между молотом и наковальней, между революцией и контрреволюцией, эсеры и меньшевики самоопределились в лагере контрреволюции. Несмотря на лишение подавляющей массы населения казачьих областей самых элементарных прав, эсеры и меньшевики отдали Кавеньякам-Калединым даже буржуазную демократию. Соглашательские советы, не выражавшие воли масс, под давлением меньшевиков и эсеров, принимают резолюции с осуждением попытки большевиков „захватить власть в свои руки" (Екатеринодар), предавая в то же время пролетариат Калединым. Контрреволюция обрушилась на большевистские организации края. Запрещаются митинги и собрания на улицах (Ростов, Новороссийск), поднялась травля большевиков, начались разгромы партийных комитетов (Ростов, Екатеринодар) и, наконец, аресты и преследования. В Екатеринодаре собрание воинских депутатов, состоявшее из тыловиков и офицерства, постановило закрыть большевистскую газету „Прикубанская правда", а работники редакции (Зенкевич и другие) были арестованы. Одновременно начались обыски. В Грозном 4 (17) августа реакционное казачество, под командой есаула Медяника, разогнало Исполнительный комитет совета и приступило к разоружению революционного 21 полка; на нефтяных промыслах рабочие-большевики увольнялись и выселялись из квартир. Ставропольские большевики буквально были загнаны в подполье.

Контрреволюция торжествовала победу. Но эта победа была недолговечной. Волна экономических забастовок, прокатившаяся в июле по всему краю, и под'ем крестьянского движения свидетельствовали о нарастании недовольства и революционном под'еме масс. Однако, большинство в советах принадлежало меньшевикам и эсерам, тормозившим нараставшее движение. Июльские дни еще не открыли массам глаза на предательство меньшевиков и эсеров. Это сделала корниловщина. И когда Каледин пыталея вести за собой казачество, то он оказался генералом без армии, т. к. трудовое, фронтовое казачество не пошло за ним, в конечном итоге он был сброшен руками казачества. А эсеры и меньшевики, связавшие свою судьбу с Калединым, оказались вождями без масс. Пролетариат, крестьянство, иногороднее население станиц, состоящее в массе из мелких арендаторов и батраков, и фронтовое казачество, состоявшее из бедняков и середняков, пошли за большевиками. И уже в июне, в Грозном, солдатами и рабочими была организована „дружина безопасности", зародыш Красной гвардии.

Зажатые в тиски родового уклада, опутанные шариатом и адатами, горские массы остались попрежнему во власти княжеских и дворянских родов, а также буржуазии.

В Кабарде Февральская революция означала смену царской администрации князьями и дворянами, которые, под знаком национального самоопределения, отводили от себя народную ненависть ограбленного ими крестьянства в сторону национальной вражды. Однако, в марте 1917 года кабардинские крестьяне отобрали у князей и кулаков обратно земли, отнятые у них обманом в 1912 году, поделили их между аулами и не давали кабардинским коннозаводчикам снимать на этих землях постройки. Отовсюду стекались в Кабарду бывшие чиновники, офицеры и князья. В апреле был созван первый с'езд Кабарды, поставивший у власти кабардинскую знать: Коцева, Чижокова, Наурузова, Атажукина и других, предавших впоследствии кабардинских крестьян в руки тех же царских сатрапов.

В Карачае Февральская революция вызвала к жизни Национально-мусульманский комитет Карачая, под председательством эфенди Хамзат-Хаджи Урусова и шариатские суды. Царских чиновников сменили князья Крымшамхаловы. Ту же картину мы наблюдаем у черкесов и в Осетии. В Осетии власть переходит к бадилиата, тагиата (привилегированные сословия), царскому офицерству (генералы Мистулов, Кибиров, Хабаев и другим известным сподвижникам белогвардейцев), к которым примыкала осетинская интеллигенция. В Чечне и Ингушетии у власти стали точно так же генералы и офицеры, вместе с интеллигенцией (ингушский националист Джабакиев), с влиятельными представителями крупной буржуазии (в роде чеченского нефтепромышленника Тапы Чермоева). В общем темный и забитый горский пастух и земледелец был всецело в руках мулл, шейхов, князей, дворян-офицеров и чиновников, к которым примыкала мелкобуржуазная интеллигенция.

Лишь в Осетии до революции существовали революционные партии „фадисоны“ (террористическая организация в роде левых эсеров, „фадисон“ — готовый к тревоге). В Осетии же выявились эсерствующие и меньшевиствующие интеллигенты, шедшие рука об руку с представителями влиятельных родов и буржуазии под знаком национализма. Организационной формой власти являлись Национальные советы.

На фоне национального единства, в своеобразной обстановке горской действительности, еще сохранившей черты патриархально-родового уклада, происходила борьба влиятельных родов за власть, в которой „народ“ являлся не суб‘ектом власти, а об‘ектом.

На двух с‘ездах в мае и сентябре 1927 года произошло об‘единение горской знати и буржуазии. Первый с‘езд состоялся с 1 по 9 мая во Владикавказе и был созван по инициативе Временного центрального комитета горцев, под председательством прис. пов. Б. А. Шаханова.

Представитель закавказских мусульман доктор Агаев в приветственной речи сказал: „Братья мусульмане! Наконец-то заговорил, заговорил властно и твердо могучий сфинкс, которому имя — Ислам. Этот многим показавшийся сфинксом мир Ислама, призванный высказаться по вопросам текущих событий, с честью выполнил трудную задачу национально-политических идеалов и Киргизии, и Крыма, и Кавказа... Горячо призываю вас к интенсивной и плодотворной работе на пользу тридцатимиллионного мусульманства, которое до сих пор в списке других народностей России либо вовсе не называлось своим собственным именем, в лучшем же случае называлось в слове „и прочая и прочая“. Этот здоровый и сильный духом колосс, лишь только изнывающий от деспотизма, спаянный таким цементом, как Ислам, в федеративно-республиканском строе получит наиболее благоприятные условия для своего национального и политического развития“.

С‘езд высказался за необходимость федеративной демократической республики. По земельному вопросу с‘езд вынес следующую резолюцию:

1. Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением: ногайцами, корачаевцами и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губ., теперь же, не дожидаясь Учредительного собрания, были признаны собственностью перечисленных племен.

2. Чтобы земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и пр. народностей, входящих в состав Союза об‘единенных горцев, были немедленно возвращены сим народам.

3. Чтобы все свободные земли Крестьянского поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с ней поступили немедленно для обеспечения землей безземельных и малоземельных горцев и пр. народностей, вступивших в Союз об‘единенных горцев.

Кроме того, с‘езд постановил ввести шариатские суды и учредил должность муфтия Северного Кавказа, избрав муфтием

Нажмуддижа Гоцинского. На с'езде был избран Центральный комитет „Союза горских народов Северного Кавказа", в который вошли Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня, Карачай, Черкесия и Дагестан. Главными деятелями „Союза, горских народов", т. е. союза горских помещиков и буржуазии, являлись князь кумыкский Рашид-хан Капланов, нефтепромышленник Тапа Чермоев и др.

Национальная и земельная чересполосица на Тереке давала достаточно оснований для столкновений. Национальное угнетение при царизме, орудием которого являлось казачество, сплачивало после Февральской революции горские народы. Влиятельные роды, буржуазия и духовенство использовывали национальные устремления горских народных масс в своих целях. Религиозный фанатизм, разжигаемый муллами и шейхами, об'единял мусульманские народы Северного Кавказа и противопоставлял их русским, прежде всего, казачеству,

Организовались на национальной основе и степные народы. 10 (23) апреля с'езд представителей калмыцкого народа на Дону принял резолюцию: 1) установить в России демократическую республику при единой палате, 2) просить Временное правительство иметь от калмыцкого народа представителя в Учредительное собрание, 3) признать, что всякая нация имеет право на политическое и национально-культурное самоопределение. У туркмен власть перешла в руки родовитой знати. С территории туркмен были выселены чиновники и учителя.

Центральный комитет горцев, совместно с Терским войсковым правительством, организовал так называемое „Терско-Дагестанское правительство", во главе с князем Каплановым и министрами: Чермоевым, Карауловым и другими.

До провозглашения на Тереке власти Совнаркома (март 1918 г.) здесь происходила ожесточенная борьба горских народов с казачеством и между собою, при чем национальная вражда усиленно подогревалась белогвардейцами. Так, казачество находилось в состоянии войны с Чечней и Ингушетией, а Ингушетия с Осетией и т. д. Эти войны носили ожесточенный характер и влекли за собой разорения и опустошения. Например, в ингушско-осетинской войне было до тла сожжено селение Патако-Юрт (до 700 дворов). Казачье дворянство, горская знать и буржуазия национальной рознью пытались заглушить классовую борьбу.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Развивая широкую агитацию, партия к Октябрю мобилизовала массы вокруг лозунга вооруженного восстания. К Октябрьской революции в советах наиболее крупных центров края преобладали большевики, а влияние меньшевиков и эсеров было ничтожно. В момент нарастания революционного под'ема масс социал-соглашатели, как это было и в июльские дни, открыто предали их буржуазии. Насколько было ничтожно влияние меньшевиков и эсеров видно по Ставропольской и Новороссийской

губерниям, где они раньше пользовались значительным влиянием. В октябрьские дни рабочие и крестьянские массы целиком шли за большевиками.

14 декабря 1917 г. власть без вооруженной борьбы перешла к Совету в Новороссийске, 14 января в Ставрополе, 25 февраля в Ростове, 14 марта в Екатеринодаре и 17 марта 1918 г. на Тереке. Как выше указано, в борьбе с Калединым ростовская организация нашла опору в трудовом казачестве, которое помогло одержать победу над Калединым. На Тереке, где основным вопросом являлся национальный, партийная организация вынуждена была вести длительную борьбу за завоевание горского крестьянства, за об'единение его с русским крестьянством и рабочим классом. В процессе гражданской войны горские народы выдвинули своих вождей-коммунистов (Асланбек Шерипов). В Ставропольской губернии основные массы бедняцкого и середняцкого крестьянства целиком шли за партией точно так же, как и на Черноморье. Буржуазная белая гвардия Ростова и Екатеринодара, казачье дворянство с офицерскими погонами, которое говорило от имени всего казачества,—были сметены революционным шквалом, точно так же, как и горская знать и буржуазия.

Ход Октябрьской революции, формы и организация власти советов различны в различных частях края, в зависимости от общих социально-экономических предпосылок.

В Новороссийске к Октябрю большевистская организация вела за собой рабочие массы. После известия об Октябрьской революции в Новороссийске было создано два Ревкома: один социал-соглашательский, другой — большевистский, за которым шли рабочие. 5 декабря открылся созванный большевистским Ревкомом Губ. с'езд советов. Меньшевики и эсеры покинули с'езд, который был об'явлен I С'ездом советов Черноморской губернии. Избранный с'ездом исполком стал фактической властью.

В Ставропольской губернии к осени органы Временного правительства от безденежья и отсутствия поддержки со стороны крестьянства совершенно разложились, тогда как влияние немногочисленных большевиков возросло в городах и среди крестьянства. Почти полное отсутствие рабочих масс и малочисленность большевистской организации, не обладавшей достаточными силами,— все это наложило свою печать на развитие событий в Ставропольской губернии. Ставропольский совет рабочих и солдатских депутатов в ночь с 5 на 6 ноября постановил организовать Комитет общественного спасения для борьбы с контрреволюционным движением, в составе представителей партий от большевиков до эсеров, представителей советов рабочих и солдатских депутатов, воинских частей и профсоюзов, но без представителей буржуазных организаций: городской думы и др. Вопрос о захвате власти Ставропольский совет обсуждал весь ноябрь и декабрь. Приход из Грозного 111 полка, высланного оттуда, как „зараженного" большевизмом революционизировал город. Тогда же был создан Военно-революционный комитет. Ставропольская

эсеровская власть зашла в тупик. Чтобы заручиться поддержкой крестьянства, комиссар Временного правительства Старлычанов созвал на 26-27 декабря 1917 г. Народное собрание, в повестку которого входили следующие вопросы: современное политическое положение в России, отношение к власти народных комиссаров, отношение к „Юго-Восточному союзу казачьих областей“ и Закавказской республике, организация губернской власти и другие вопросы. Состав народного собрания был определен в 369 человек, из которых 168 — представители от волостных земств или от волостей, 64 от губернского земского собрания, 50 — Совета крестьянских депутатов, 20 — Совета рабочих и солдатских депутатов, 12 — Совета трудового мещанства (был и такой в Ставропольской губернии), 10 — Совета солдатских депутатов, 10 — Бюро профсоюзов, 10 — Ставропольской гор. думы и т. д. Входили сюда точно так же по одному представителю от духовенсгва, биржевого комитета, частных банков и по два представителя от партийных организаций. Одним словом, предполагалось создать нечто в роде демократического совещания.

Как ни подтасовывался состав Народного собрания, но когда в состав Народного собрания влился Крестьянский с'езд, созванный к тому времени в Ставрополе, и все лица, не допущенные на собрание, его настроение стало явно большевистским. Председателем президиума был избран большевик Анисимов, а товарищем председателя большевик Пономарев. Учтя обстановку, комиссар Временного правительства Старлычанов сложил свои полномочия, „вручив всю полноту власти в руки народного с'езда“. Меньшевики, эсеры и народные социалисты покинули собрание и вынесли резолюцию протеста против упразднения, якобы, свободы слова. Собрание единогласно приняло постановление II с'езда советов о земле, а в 12 часов ночи с 31 декабря 1917 года на 1 января 1918 года Народное собрание вынесло постановление о вступлении Ставропольской губернии в РСФСР. Крестьяне Ставропольской губернии, признав гегемонию пролетариата, не встретили здесь сколько-нибудь серьезного сопротивления ни с чьей стороны точно так же, как и рабочие Черноморской губернии.

Иной характер приняла Октябрьская революция в казачьих областях — Донской и Кубанской.

После неудачной корниловской авантюры казачье дворянство задолго до Октябрьской революции направилось по второму пути — по пути федерализма, вытекающего не из демократии казачества, а из „казачьей демократии“, прикрывающей интересы дворянства и кулачества.

В сентябре 1917 года состоялась конференция Донского, Кубанского и Терского войска, занявшего враждебную позицию по отношению к Временному правительству, по причине, якобы, стремления правительства к уничтожению казачьей „самостоятельности“, а на самом деле для того, чтобы превратить казачество в орудие контрреволюции. Тогда же Войсковой круг на Дону вынес постановление о федеративном устройстве Дона.

На Кубани в октябре Войсковая рада приняла „Основные положения о высших органах в Кубанском крае“ и передала законодательную власть Краевой раде, а исполнительную — атаману и войсковому правительству. В порочный круг контрреволюции вовлекаются и горские народы. 20 октября во Владикавказе был подписан договор об организации „Юго-Восточного союза казачьих войск, горских народов Кавказа и вольно-степных народов“.

Казачество, как система, было обречено на смерть при любом исходе борьбы: дореформенному строю казачьих областей несли смерть и пролетарская революция и буржуазная демократия, борьба шла за то, в чьих интересах будет решен вопрос: в интересах пролетариата и бедняцко-середняцких масс казачества или в интересах буржуазно-помещичьего блока и зажиточно-кулацкой части казачества. Оказавшись между молотом и наковальней, между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазно-помещичьей реакцией—с другой, казачество раскололось не на две, а на три части. Одна часть—беднейшее казачество и часть середняцкого—пошла в ногу с Октябрьской революцией (Подтелков, Кривошлыков и др. на Дону), другая часть—казачье дворянство (Каледин, Бардиж и др.), заключила союз с помещичье-буржуазной Добровольческой армией и, наконец, третья часть, куда вошли кулаки и зажиточное казачество, выразительницей которого являлась Куб. рада в дни Деникина, пыталась итти по собственному „казачьему“ пути, т. е. по пути кулачества.

Революционными очагами на Дону являлись рабочие и крестьянские округа Донской области (Ростовский, Таганрогский и Донецкий), контрреволюционным—южные казачьи округа, во главе с Черкасским округом и казачьей столицей Новочеркасском, административным центром Донской области („ура-казаков“ в Войсковом круге так и прозвали „Черкасия“). Аграрные волнения в Таганрогском и Ростовском округах, начавшиеся еще до Октябрьской революции, „самовольные“ захваты помещичьих земель и разгром имений были предвестниками революции. На рудниках Донецкого бассейна точно так же власть фактически переходила к рабочим, а в Ростове демонстрация рабочих и гарнизона 1 октября 1917 г. против империалистической войны показала, на чьей стороне массы. Перевыборы же Ростовского совета выдвинули большевистскую фракцию на первое место. Но против революционных Ростова, Таганрога и Донбасса, против крестьян Ростовского, Донецкого и Таганрогского округов лихорадочно готовился к наступлению центр контрреволюции Новочеркасск.

Октябрьский переворот не застал Новочеркасск врасплох. Октябрьская революция послужила на Дону сигналом к наступлению контрреволюции. 25-го октября Каледин отдает приказ начальникам гарнизона и начальникам дивизий иметь наготове войска, разрешает об‘являть военное положение и возлагает на них ответственность за соблюдение порядка. С 26-го октября он об‘являет на военном положении весь угольный район, „в связи с обнаружением стремлений захвата предприятий насильственным

путем", тогда же отдает распоряжение окружным атаманам организовать „Советы обороны" при помощи казаков-добровольцев. 26-го октября в приказе донским казачьим частям Каледин заявляет, что „Войсковое правительство решило всеми средствами поддержать Временное правительство и не допустить анархических выступлений в пределах Донской области". Характерно в этом приказе следующее заявление Каледина: „Войсковое правительство считает, что установление порядка на Дону есть дело донских казаков". 2-го ноября было введено военное положение в Ростовском, Таганрогском и Черкасском округах с городами Ростовом и Таганрогом.

Октябрьская революция явилась лишь поводом для захвата Калединым власти, необходимой в целях осуществления намеченного после неудачи корниловского мятежа „оздоровления" России с окраин. В своей программной речи в середине ноября Каледин заявил: „Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необходимым связь с ней при самой широкой автономии или даже больше—самостоятельности Дона".

На с'езде казачьих войск в Киеве 22-го октября, на котором присутствовал ближайший соратник Каледина Агеев, профессор Массарик, позднее президент Чехо-Словацкой республики, распинаясь в любви к русскому народу, перед надвигавшейся Октябрьской революцией заявил с'езду: „Вместе бороться будем". Там же, после первых известий о перевороте в Питере, был избран Исполнительный комитет для организации противобольшевистских сил. В дальнейшем с'езд принял предложение Каледина и перебрался в Новочеркасск.

Еще по дороге в Новочеркасск представители Казачьего с'езда получили сведения о том, что Совет союза казачьих войск в Петрограде рекомендовал Новочеркасску пригласить Керенского для формирования на Дону всероссийского правительства, цинически заявляя: „Керенский нужен нам, как хорошая пожива для ловли рыбы". Но Новочеркасск предпочел ограничиться образованием „Юго-Восточного союза", на создание которого всероссийская контрреволюция возлагала большие надежды. Во всяком случае над его созданием усиленно работали в Новочеркасске собравшиеся там члены государственной думы Родзянко, Гучков и другие.

К первым же дням Октябрьской революции относится зарождение в Новочеркасске Добровольческой армии, первое выступление которой состоялось 20 ноября при разоружении солдат, которых отказались разоружить казаки в Новочеркасске; 26-го ноября Добр. армия расстреливает ростовских рабочих, а в Донбассе свирепствует отряд известного есаула Чернецова.

Вобрав в себя все контрреволюционные элементы, стянувшиеся к Новочеркасску со всех концов России, Добровольческая армия явилась зародышем деникинщины. Генерал М. В. Алексеев, посланный на Дон „Союзом спасения родины", поселился инкогнито в Новочеркасске с 15-го ноября, после разгона предпарла-

мента. В своем письме во французскую миссию в Киев генерал Алексеев писал:

> „Донская область была избрана мною для формирования добровольческих армий, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами Юго-Восточного союза... Я рассматривал Дон, как базу против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали итти вперед для выполнения широкой государственной задачи—водворения порядка в России".

6 декабря на Дон бежал из Быховского плена Корнилов, принявший власть главкома. Так, в Новочеркасске зрела та контрреволюционная сила, из которой выросла „деникинщина".

С первых же дней Октябрьской революции к Каледину летят телеграммы со всех концов России—из Москвы, из Саратова, с Кубани о помощи против большевиков. 31-го октября Каледин отдает распоряжение начальнику 7-й дивизии овладеть Воронежем и двигаться на Москву и по Волге. Между прочим, эти „спасители России", обвинявшие большевиков в разложении армии, в предательстве родины и т. п., не постеснялись в момент начала мирных переговоров с Германией обнажить фронт, отозвав, по постановлению Казачьего с'езда, со всех фронтов казачьи части, якобы, с целью отвода их для отдыха на Дон и на Кубань, но на самом деле для борьбы с революцией.

В Ростове Каледин предусмотрительно установил свой контроль на телеграфе и сообщение об октябрьском перевороте в Питере было получено по радио стоявшей в Ростове яхтой „Колхида". Ростовский Совет рабочих депутатов встретил известие с энтузиазмом и принял резолюцию о поддержке питерского пролетариата. Большевистской фракцией, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, был организован Ревком. Связь у Совета с центром и рудниками была плохая, а гарнизон с трудом раскачивался. Этот разброд явился в значительной мере следствием приказа Каледина о роспуске пехотных частей. В общем солдатские массы и полковые комитеты были на стороне Совета, но Исполнительный комитет солдатской секции состоял или из соглашательских элементов. или из шкурников. Во всяком случае реальных сил для переворота не было. Как реагировала на Октябрьскую революцию Ростовская эсеровско-меньшевистская городская дума? На созванном думой чрезвычайном собрании была вынесена резолюция о непризнании Совета народных комиссаров. В дальнейшем в Ростове возникает „Комитет спасения революции". действовавший в контакте с комиссаром Временного правительства Зеелером.

25-го ноября Ревком пред'явил Войсковому правительству ультиматум, в котором требовал отказа Войскового правительства от власти, отмены военного положения и возвращения оружия разоруженным казакам и пехотным частям. В этот решительный момент меньшевики и эсеры, представители городского самоуправления, союзов и Областного военного комитета вышли из

Ревкома и выпустили предательское воззвание, в котором призывали к прекращению гражданской войны и предлагали Красной гвардии разоружиться. Контрреволюция не дремала. В ночь с 25 на 26-е ноября ген. Потоцкий напал на театр „Марс“, где помещался Ревком, в это время заседавший на „Колхиде“, где были убиты тт. Кунда и Казбирюк. 26-е ноября прошло в подготовке. 27-го ноября Красная гвардия заняла вокзал и взяла в плен ген. Потоцкого. Некоторую помощь рабочим оказали траллеры Черноморского флота, к которому был послан за подмогой т. Ченцов (с'езд черноморских моряков послал ростовским рабочим 3 траллера, 2 крейсера, 2 миноносца и 2 истребителя, но в Дон вошли лишь траллеры и истребители). Рабочие Ростова сражались до 2-го декабря, когда Ревком и штаб Красной гвардии оставили город под натиском белогвардейцев. 16 (н. ст.) декабря Ростов занял Каледин.

В Донецком бассейне в период декабрь-январь возникают первые отряды Красной гвардии Донецкого бассейна, а на юге, на Кубани, встает красный фронт, ядром которого была революционная 39-я дивизия, прибывшая с Кавказского фронта и расположенная в Ставропольской губернии и Кубанской области.

Однако, фронтовое казачество отказалось сражаться за Каледина, который вынужден был опираться на юнкеров, офицеров и буржуазную молодежь.

Условием победы Октября на Дону послужил переход фронтового казачества на сторону советской власти. Ростовскими большевиками были созваны казачьи с'езды в Воронеже (7 января), в Царицыне (17 января) и 23 января в ст. Каменской, где был избран Военно-революционный комитет, который повел казачество против Каледина, под лозунгом: „Долой атаманов и офицеров“. Казачество выдвинуло из своей среды вождей: Подтелкова, Кривошлыкова, Голубова (вскоре, впрочем, изменившего) и многих других.

В Новочеркасске к этому времени собрались генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели и другие — организаторы белогвардейской Добровольческой армии. Между тем, Красная гвардия со всех сторон стиснула Добровольческую армию: с юго-запада — под командой Антонова-Овсеенко, с северо-востока наступало фронтовое революционное казачество, под руководством созданного в ст. Каменской Областного военно-рев. комитета, во главе с Федором Подтелковым и Кривошлыковым, со стороны Кубани тоже двигались части 39 дивизии, под командой Автономова. 22 февраля (н. ст.) в Ростов вступили красные части. Через день было занято гнездо контрреволюции — Новочеркасск. Потерпев поражение, Каледин застрелился.

В Ростов приехал находившийся в ст. Каменской Областной военно-революционный комитет, вновь образованный Ревком признал Донскую область самостоятельной Донской советской республикой и избрал Совнарком.

Таким образом, всероссийская буржуазно-дворянская контрреволюция, опираясь на кулацкую часть казачества, пыталась пре-

вратить Северный Кавказ в базу для борьбы с победоносной Октябрьской революцией, надеясь использовать в своих интересах все казачество. Калединщина представляет собой олицетворение этого союза,—не даром ген. Алексеев называл его „казачьей слякотью". Но основная масса трудового казачества боролась, под руководством пролетариата, рука об руку с Красной гвардией.

На Кубани, в Екатеринодаре, по получении известия об Октябрьском перевороте, Войсковое правительство ввело 8 ноября военное положение. Вместе с тем, Войсковое правительство постановило „впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России, принять на себя осуществление государственной власти в Кубанской области". Меньшевистско-эсеровская городская дума в свою очередь вынесла резолюцию о борьбе с „анархо-большевистским" восстанием. В то время, как социал-соглашатели на Дону выносили все же резолюции против военного положения, екатеринодарские меньшевики и эсеры, которые пользовались значительным влиянием, наоборот, своим постановлением санкционировали введенное Войсковым правительством военное положение. Войсковое правительство заранее стянуло к Екатеринодару части „дикой дивизии" и казачьи части.

У екатеринодарской большевистской организации было недостаточно сил, рабочие были безоружны. Единственной реальной опорой екатеринодарских большевиков служил Кавказский артиллерийский дивизион, расположенный в Екатеринодаре. Между тем, Войсковое правительство и комиссар Временного правительства Бардиж тотчас же перешли в наступление, и в ночь на 13-е ноября казачьи части без всякого сопротивления разоружили артиллерийский дивизион, при чем одновременно были арестованы большевики члены Исполкома и Совета (Елена Полуян и Марочкин).

В ответ на это Исполнительный комитет Совета постановил об'явить забастовку и организовать 2 (15) ноября митинг протеста, с требованием освобождения арестованных и возврата оружия артиллерийскому дивизиону. На Сенной площади, куда стали прибывать рабочие, солдаты и члены с'езда иногородних, юнкера и казаки открыли по толпе огонь. В результате было ранено 5 солдат и 3 рабочих и 4 убито. Митинг все же состоялся и потребовал от Войскового правительства предать суду виновников расстрела и возвращения оружия артиллерийскому дивизиону.

Большевикам пришлось уйти в подполье. Организация повела работу по подготовке восстания. Несколько товарищей были отправлены для связи в разные концы. В самом Екатеринодаре с помощью железнодорожников удалось вооружить рабочий район—Дубинку.

Во время описанных выше событий в Екатеринодаре с 14-го ноября заседал Областной с'езд иногороднего населения. По отношению к казачеству этот с'езд, которым руководили социал-соглашатели, занял фрондирующую позицию, что видно из воззвания Областного исполнительного комитета:

„В течение всего времени своего существования,— сетует Областной исполнительный комитет,— начиная с мая месяца и до последнего времени Областной исполнительный комитет напрягал все силы и принимал все меры к тому, чтобы все население области было об‘единено едиными для всего населения органами самоуправления. Но, к сожалению, все его попытки, все его усилия ввести на Кубани демократическое бессословное управление разбивались об упорное сопротивление некоторых групп казачества и его представителей. В настоящее время Краевая рада самочинно провозгласила федерацию с управлением, основанным исключительно на представительстве „коренного населения“, лишив этим, вопреки существующим законам, полуторамиллионную массу иногороднего населения неот‘емлемого права представительства в органах управления. Областной исполнительный комитет считает своим нравственным долгом созвать областной с‘езд иногороднего населения области, дабы оно могло выразить свою волю и отношение к постановлениям Рады“.

Большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и анархисты заключили блок, и 6—19 ноября совершенно неожиданно большинством 267 голосов против 68 прошла резолюция левой части с‘езда, которая была на другой день аннулирована.

Позиция Областного с‘езда иногородних ничем существенным не отличалась от позиции, занятой иногородним населением Донской области. Мелкобуржуазные демократы хотели очень мало, но даже удовлетворение этих невинных требований угрожало подорвать власть казачьего дворянства и кулачества. С‘езд протестовал против военного положения, вынес резолюцию о том, чтобы на Кубани в ближайшее время было введено земское положение, действующее в России, и признал постановление Краевой рады для населения необязательным и исполнению не подлежащим на том основании, что Войсковая рада не выражает волю всего населения, что способ избрания Рады недемократичен, что от самоуправления устранена половина населения и, наконец, что положение о федеративном управлении Кубанской области может быть разрешено только Учредительным собранием. С‘езд даже постановил создать Областной союз из неказачьего населения Кубанской, Донской и Терской областей.

Перед лицом надвигавшейся революции избранная Краевой радой Законодательная рада пыталась войти в соглашение с иногородними по тем же мотивам, по которым пошел на соглашение с иногородними Каледин. Была избрана даже согласительная комиссия, состоящая из представителей с‘езда иногородних и Законодательной рады. По проекту комиссии должно было быть введено всеобщее избирательное право, при чем, однако, устанавливался ценз оседлости, равный одному году. Органы Краевого правительства до создания об‘единенного правительства должны были контролироваться Областным исполнительным комитетом. Однако, Законодательная рада увеличила ценз оседлости до 3-х лет и, взамен контроля Областного исполнительного комитета, постановила ввести в состав Краевого правительства трех представителей от с‘езда иногородних: „Настойчиво и последовательно стремясь к уничтожению розни между казачьей и неказачьей частью населения области и к созданию

единой кубанской демократии,— гласит постановление с‘езда иногородних, — принять предложение Законодательной рады войти в состав Краевого правительства, избрав для этого трех своих представителей“.

9-го декабря собралась Краевая рада и Вторая сессия с‘езда иногородних. Оба эти с‘езда раскололись: на казачью Раду, с небольшим количеством делегатов — иногородних, шедших за старым эсеровским Областным исполнительным комитетом, и революционное большинство иногородних и с частью революционно настроенных представителей казачества. Так, на смену делению на казаков и иногородних пришло классовое деление.

На Кубани точно так же, как и на Дону, казачество постепенно отделяло свои интересы от помещичьих. Так, казаки станиц Славянской, Петровской и Полтавской 21 ноября (4 декабря) в своем приговоре требовали исключения из списка кандидатов в Учредительное собрание „земельных собственников, как, например, К. Л. Бардижа и его сына“. Казаки писали:

> „Мы просим Законодательную раду исключить из списков не только обоих Бардижей, которых мы определенно знаем, как земельных собственников, но всех тех, кто имеет собственную землю“.
>
> „Братья казаки всех станиц. Если вы согласны с нами, что помещик-казак не может быть защитником земельных интересов трудового казачества, то подтвердите свое согласие приговором„...

Казачья рада с частью иногородних, назвавшая себя Вторым областным с‘ездом представителей казаков, иногородних и горцев, заседала с 26-го декабря по 3-е января. В основу об‘единения правой части казачества и иногородних легла резолюция о непризнании власти Советов народных комиссаров и лозунг Учредительного собрания.

Иногороднее население получило призрачное участие во власти, между тем, основной вопрос в казачьих областях — земельный — был разрешен в интересах казачьего дворянства и кулачества.

В то время как казачьи верхи сговаривались с иногородней буржуазией и кулацкой частью иногородних, отколовшаяся часть с‘езда иногородних вступила на путь революционной борьбы. С‘езд признал Совет народных коммиссаров законной властью и в своей резолюции передал на Кубани власть рабочим, казачьим солдатским и крестьянским депутатам. 18 (31) декабря, с‘езд избрал Кубанский областной Совет народных депутатов которому было поручено созвать в Екатеринодаре 20-го января 1918 г. с‘езд Советов Кубанской области.

Еще ранее большевики, совместно с левыми эсерами и анархистами, постановили начать вооруженную борьбу с Краевым правительством. Началась организация революционных сил. Совет нар. депутатов, признав, что Краевое правительство не допустит с‘езда в Екатеринодаре, решил обратиться за помощью к расположенной в Тихорецкой 39-й дивизии и к новороссийским рабочим. Со своей стороны Краевое правительство перешло в на-

ступление. 10-го января Краевое правительство арестовало председателя Совета народных депутатов Янковского, тов. председателя Совета народных депутатов тов. Скворцова и Выгриянова, тов. Фрадкина, большевиков Карякина, Лиманского и других. Зверски были убиты большевик Седин и левый эсер Стрелько. Тем не менее, большевики даже издавали нелегально „Прикубанскую правду“. Одновременно были разгромлены профессиональные союзы. Но казаки, двинутые в декабре против Тихорецкой, где были расположены части 39-й дивизии, отказались сражаться.

Положение Краевого правительства было далеко не блестящее: возвращавшиеся с фронта казачьи части расходились по домам, несмотря на то, что члены Рады вели по станицам усиленную агитацию, казачество относилось к Раде и Краевому правительству или равнодушно, или враждебно. 14 декабря в Новороссийске власть переходит в руки совета. 6 (19) января в Армавире был организован из представителей казаков, солдат и рабочих Военно-революционный комитет и в ночь на 7 (20) были заняты революционными войсками все учреждения. 9 (22) января произошел переворот в Майкопе.

Если на Дону фронтовое казачество было в значительной части активно революционно, то на Кубани оно было, так сказать, „пассивно революционно“. Оно просто отказывалось защищать правительство Бардижа-Филимонова, не участвуя активно в его свержении.

2 (15) февраля в Армавире состоялся I Областной с‘езд советов. История I Областного с‘езда Кубани такова. В конце декабря делегаты предгорных селений Кубани, ехавшие в Екатеринодар на с‘езд Народных депутатов (более 20 человек), узнав, что правительство Филимонова арестовывает депутатов, решили созвать с‘езд на ст. Гулькевичи, где стоял штаб 39-й дивизии, а затем переехал в Армавир. С‘езд избрал Исполнительный комитет.

Наряду со с‘ездом, во главе вооруженной борьбы за советскую власть на Кубани стоял Кубанский военно-революционный комитет. В станице Крымской членами местного Совета народных депутатов, членами Екатеринодарского Совета народных депутатов под руководством большевистской организации был созван с‘езд представителей революционных станиц и воинских частей, на котором был избран Кубанский областной военно-революционный комитет, во главе с председателем Полуяном. На с‘езде присутствовали представители 39-й дивизии, с которыми было решено начать наступление на Екатеринодар по линии железных дорог Тихорецкая и Кавказская, а со стороны Новороссийска силами Военно-революционного комитета.

В распоряжении Военно-революционного комитета находились красногвардейские части, численностью не более пятисот человек, при четырех горных орудиях и нескольких пулеметах, командовал отрядом Яковлев. К этому времени восстановилась связь со Ставрополем, Армавиром и Темрюком, и со всех сторон стала прибывать новороссийцам подмога.

Главный штаб революционных войск находился в станице Крымской. Новороссийские рабочие чуть ли не в течение двух суток создали два броневика: „Борец за свободу“ и „Большевик“. Не рассчитывая на свои силы, Новороссийск командировал в Трапезунд товарищей за поддержкой к солдатам Кавказского фронта. Значительную помощь в этой борьбе оказал прибывший из Трапезунда 22 Варнавинский полк. К тому времени вся Кубань, за исключением Екатеринодара, была советской.

Наступление на Екатеринодар велось со стороны Тихорецкой, где была расположена так называемая Юго-Восточная армия, командующим которой был назначен Антоновым-Овсеенко Автономов, и со стороны Новороссийска во главе с командующим Южной армией Бушко-Жук.

Все попытки Краевого правительства привлечь на свою сторону казачество кончились крахом. Когда 15 (28) февраля была созвана Рада из представителей казачества Черноморья в станице Тимашевской, вынесшая постановление бороться с большевиками, но это постановление повисло в воздухе, так как казачество не желало бороться.

Лишенная поддержки казачья Рада 13 (26) марта утром решила оставить Екатеринодар. Численность отряда белых, отступившего из Екатеринодара под командой Покровского, была не многим более 3-х тысяч человек, а рядовые члены Рады раз‘ехались по домам.

1 (14) марта в Екатеринодар вступили советские войска. Еще до занятия Екатеринодара советскими войсками был создан Военно-революционный комитет из представителей Екатеринодарского ревкома, Юго-Восточной армии и Крымского ревкома. Председателем был избран Автономов.

Мобилизация контрреволюционных сил на Тереке, как, впрочем и в других областях Северного Кавказа, произошла до Октябрьской революции. Тотчас же после Октябрьской революции „союз папахи и черкески“ был закреплен образованием Терско-Дагестанского правительства, входившего в свою очередь в Юго-восточный союз. „Терско-Дагестанское правительство“ было создано Центральным комитетом союза горских народов и Терским войсковым правительством в составе: князя Капланова, чеченского миллионера Тапы Чермоева, Коцева, Джабагиева и других. В этот союз вошла и буржуазия: 14 ноября с‘езд городов решил войти в Терско-Дагестанский федеративный союз.

Терско-Дагестанское правительство опиралось на части Дикой дивизии, предусмотрительно вызванной в августе Горским комитетом и расположенной в пролетарских центрах — Грозном, Владикавказе и Пятигорске, под командой душителя июльских дней в Питере генерала Половцева, и Волгские казачьи полки, вызванные с фронта Казачьим кругом и расположенные в районе Минеральных Вод.

Между тем, революционные силы того времени далеко не были собраны.

Во Владикавказе вплоть до Октябрьской революции существовал об'единенный комитет с.-д., куда входили меньшевики и большевики. Большевизация совета здесь произошла лишь к концу декабря 1917 года, а в Пятигорске лишь в начале марта 1918 г. большевикам, вместе с левыми эсерами, удалось создать Совет рабочих и солдатских депутатов, способный взять власть, до этого времени существовал соглашательский совет, поддерживавший гражданский комитет и городскую думу. Лишь в Грозном, пролетарской цитадели Терека, к октябрю 1917 года, при перевыборах Совета, большевики получили преобладание, и первый удар контрреволюции был направлен в сторону грозненского пролетариата и гарнизона.

Среди горцев не только не существовало большевистских организаций, но даже отдельных большевиков можно было перечесть по пальцам: 2-3 человека было в Осетии и несколько человек в Дагестане.

В Осетии летом 1917 года возникла осетинская революционно-демократическая партия „Кермен", сыгравшая значительную роль в руководстве горскими массами. Кермен по-дигорски или „Чермен" по-ирoнски (осетински) — имя одного легендарного героя, родом из Куртатинского ущелья, который, будучи рабом и незаконорожденным сыном от второй жены, простой крестьянки, одного привилегированного алдара из фамилии Тлатовых, восстал против всей фамилии и алдарства. Когда он уехал в „балс" (набег), лучшие поля были поделены в его отсутствие между членами фамилии Тлатовых и вспаханы. Вернувшись, Кермен перепахал поперек Тагаурское поле, которое было без него запахано. Кермен боролся с фамилией Тлатовых и был убит, благодаря обману. В этой легенде—все чаяния осетинской бедноты, стремящейся „перепахать" поля помещиков и кулаков.

К ноябрю 1917 года на Тереке создалась чрезвычайно сложная и при том совершенно своеобразная обстановка. Образовав Терско-Дагестанское правительство и втянув горских полуфеодалов и буржуазию в „юго-восточный союз", казачье дворянство и кулачество пыталось застраховать себя, с одной стороны, от безземельных иногородних, с другой — от безземельных горцев. Однако, этот союз горских и казачьих верхов против горской бедноты и иногороднего населения лишь туже затягивал узел земельных и национальных отношений. Спор между станицей и аулом близился к концу. Терек представлял собой кипящий котел, с клокочущей национальной ненавистью, подогретой религиозным фанатизмом.

Национальный вопрос заслонял здесь остальные вопросы, и это отразилось как на способе возникновения „власти Совнаркома", так и на первоначальной форме организации ее.

В отличие от Дона и Кубани, где основная линия борьбы за землю проходила между казачеством и иногородними, на Тереке эта линия намечалась между казачеством и горцами. Но известие

об Октябрьской революции существенно изменило намечавшуюся ситуацию, хотя и не надолго. И казачьи верхи, и горские полуфеодалы были в равной мере заинтересованы в том, чтобы отвести от себя ненависть горской бедноты в сторону пролетарского города и иногородних. Терско-Дагестанскому правительству действительно удалось использовать вначале горскую темную массу для разгрома пролетариата и дезорганизовать массы, подменяя классовую борьбу национальной рознью.

И на Тереке, как и в других казачьих областях, Октябрьская революция послужила сигналом к об'единению контрреволюционных сил. Но, в отличие от Дона и Кубани, где казачьим верхам так или иначе приходилось сталкиваться или, во всяком случае, считаться с городской буржуазией и кулацкой частью иногородних, здесь, на Тереке, казачество, как мы видели, пыталось опереться в борьбе с надвигающейся революцией на горскую знать.

Несмотря на разногласия на словах, в разоружении революции согласованно действовал единый фронт от чеченского миллионера Чермоева и атамана Караулова до известного на Тереке эсера Леонида Орлова и меньшевистских вождей. Конец 1917 года проходил на Тереке под знаком розоружения революции. Караулов издает приказ о формировании особой войсковой части из офицеров и казаков для борьбы с „анархией". Первый удар контрреволюция нанесла пролетарскому Грозному, где большевики получили в конце октября преобладание в совете и после победы в Москве организовали демонстрацию под лозунгом: „Вся власть Советам".

Рабочие были целиком на стороне Советов и на общих собраниях промысловых рабочих выносились резолюции о поддержке советов. Однако, когда Грозненский совет вынес постановление о переходе власти в руки советов, начался ряд провокационных избиений и убийств чеченцев в городе и натравливание на них солдад 111-го пехотного полка — революционной опоры грозненского пролетариата. Чеченцы покинули город, вместе с ними ушли и части „Дикой дивизии", под командой русских офицеров.

23-го ноября, от имени, якобы, всей Чечни, собравшись в ауле Старо-Сунженском, чеченцы пред'явили Грозненскому совету ультиматум о выводе из Грозного воинских частей и разоружении рабочих. Рабочие массы вооружались, рыли окопы, готовясь к обороне, но нехватало патронов, а Пятигорск, к которому обратились грозненские рабочие, был не в силах помочь. Решено было выполнить требование. 111-й полк и 252-я Самарская дружина покинули Грозный, а с войсками уехал также ряд товарищей. В Грозный вошла Дикая дивизия, терроризировавшая рабочих. Запылали Ново-Грозненские промысла. После разгрома Грозного чеченцы приступили к разоружению гарнизона Гудермеса, Воздвиженской и крепости Ведено.

Завершением этого периода борьбы является убийство терского войскового атамана Караулова, провокационная роль кото-

рого в разгорающейся национальной бойне не укрылась от масс. Он был убит 13 (26) декабря на станции Прохладной, где скопилось много беженцев из Грозного, солдатами Уфимской дружины.

В декабре на Тереке развиваются события, которые в конечном счете привели к развалу Терско-Дагестанского правительства. Здесь запылал пожар национальной вражды, поводов для которой было более чем достаточно. Основная линия борьбы наметилась между казачеством, с одной стороны, чеченцами и ингушами — с другой. В этой борьбе горские полуфеодалы ориентировались на феодальную Турцию, казачье дворянство и кулачество, пытались сколотить против горцев единый „русский" фронт. На долю терских большевиков выпала весьма сложная задача — вырвать горские массы и русское трудовое население Терека из раскаленной атмосферы национальной вражды и вывести их через советскую власть к разрешению земельного и национального вопроса. На Тереке были препятствия, которых не существовало в остальной России, и путь к советской власти здесь был более извилист, чем в других областях Северного Кавказа

После разоружения Грозного, взаимоотношения между русскими и чеченцами снова обострились. Части Дикой дивизии покинули Грозный, точно так же, как и Чеченский национальный совет. Казачество и буржуазия пытались создать новую власть, заключив соглашение с чеченцами, но 26-го декабря 1917 года, после переговоров в станице Червленной, был убит приехавший по приглашению для переговоров известный в Чечне шейх Дени Арсанов с 20—25 чеченцами. Убийство шейха послужило искрой, из которой разгорелась чеченско-казачья война. В этой войне между ст. Грозный и Беслан было разрушено несколько раз'ездов, железнодорожное сообщение в районе Грозного почти прекратилось. Казаки станицы Кохановской разрушили артиллерией Гудермес, а чеченцы сожгли станицу Кохановскую.

15 декабря начались стычки горцев с казачеством в районе Моздока. Горцы подступали к г. Моздоку, сожгли несколько хуторов. Станицы Ново-Осетинская, Павлодольская и другие были сожжены горцами, тогда же был разгромлен хутор Нижне-Бекович. Созванный экстренно в Моздоке казачий круг постановил пред'явить чеченцам ультиматум о сдаче награбленного имущества и выдаче грабителей, но эти переговоры не привели ни к каким результатам.

В декабре 1917 года началась война между казачеством и ингушами, поводом к которой послужило убийство ингушей, ехавших из города Владикавказа. Вся Ингушетия встала против казачества. Во время этой войны 2 (15) января был разграблен город Владикавказ.

Взрыв национальных войн взорвал и Терско-Дагестанское правительство. 9 (22) января 1918 года остатки Терско-Дагестанского правительства бежали из Владикавказа в Ингушетию (с. Базоркино).

Терек распался на части. С убийством Караулова казачьи верхи растерялись. 20-го января (1 февраля) Терское войсковое правительство постановило сложить с себя полномочия, сохранив за собой лишь общее руководство войсковыми делами до ближайшего Войскового круга, созываемого 25-го января в ст. Марьинской. Но Круг не собрался. Во главе горских областей стояли национальные советы: в Чечне во главе с Ахмед Хан-Мутушевым, именовавшим себя „Ахмет Хан 1-й, правитель всей Чечни Большой и Малой“, в Ингушетии—во главе с Васан-Гирей Джабагиевым, в Кабарде власть была в руках знати: Коцова, Чижокова, Наурузова, Атажукина. В Национальном совете Осетии шла борьба между левыми социалистами и правыми группировками.

Вместе с тем, горцы Северного Кавказа были вовлечены в орбиту германо-турецкого империализма. В начале декабря Закавказский комиссариат, не признававший советской власти (а Тифлис был центром для Терека), заключил перемирие с Турцией, тогда же была демобилизована Кавказская армия и начались национальные формирования. Турки продолжали наступление, опираясь на мусульманское духовенство и феодалов, и при их помощи проводили политику отторжения Кавказа от России. Турецкие агенты наводнили Кавказ и Закавказье. На Северном Кавказе мусульманское население, далеко еще не изверившееся в своих муллах (Н. Гоцинский, Узун-Хаджи), сводило старые счеты с немусульманами. Роль Караулова была сыграна, он вместе с Терско-Дагестанским правительством был сметен событиями. Горские феодалы открыто встали на сторону Турции, казачьи верхи пытались сколотить единый национальный фронт и готовы были ориентироваться даже на Советскую Россию, чтобы не быть раздавленными. Районы Грозного, Моздока, Владикавказа были охвачены пожаром национальных войн.

После развала Терско-Дагестанского правительства казачество пытается использовать для борьбы с чеченцами и ингушами иногородних и остальное русское население, точно так же, как раньше пыталось использовать горцев для борьбы с иногородними, рабочими и фронтовиками. По вопросу о борьбе с чеченцами в Моздоке был созван Казачий круг, казачество обращалось за помощью к Пятигорскому совету и расположенному там 113-му запасному полку.

В этот период, когда национальная вражда захлестывала Терек, по инициативе большевиков на Тереке стали возникать Военно-революционные комитеты, организованные в Грозном, Моздоке и Кизляре (Ревштаб). Эти Военно-революционные комитеты, правда, не без труда выбивали инициативу из рук казачества. направляя события по пути развития классовой борьбы, однако, клокотавшая вокруг национальная вражда порой захлестывала и Военно-революционные комитеты.

В Пятигорске точно так же с января 1918 года был создан, так называемый, Ревштаб, при непосредственном участии Анджиевского. По отношению к контрреволюционному казачеству Рев-

штаб занял непримиримую позицию, и станица Горячеводская была разоружена при помощи артиллерии.

Поворотным пунктом в истории революционной борьбы на Тереке является, так называемый, Моздокский с‘езд, открывшийся 25 января 1918 года в Моздоке. На с‘езде присутствовало 257 делегатов-представителей казачества, иногородних, Балкарии, части Осетии, Кабарды, избранные непосредственно аулами. Горские верхи пытались стравить кабардинцев с казаками на реке Малке, чтобы не допустить представительства Кабарды на с‘езде. Чеченцы и ингуши приглашены казачеством на с‘езд не были. На повестке с‘езда стояли вопросы: признание на Тереке власти Центрального Российского совета народных комиссаров, санкция общего наступления на непокорных горцев, разоружение чеченцев и ингушей.

Какова была на этом с‘езде позиция большевиков? Это была позиция изоляции контрреволюционной части казачества. Меньшевики, эсеры, горские демократы, керменисты и большевики об‘единились под руководством большевиков в социалистический блок, за которым пошли кабардинцы, осетины, иногородние и часть казачества.

Вопрос о признании советской власти на Тереке и организации советской власти стоял сложнее, чем в другом месте, с русским населением. Признание Терека частью Всероссийской советской власти было бы пустой фразой, может быть и революционной, ибо Терской области не существовало, как единого целого. Она распалась на отдельные народы, которые надо было соединить, но уже на новой основе. В Моздоке, где не были представлены все народности, этого нельзя было сделать. Но путь был намечен вполне правильно. С‘ездом была принята декларация, в которой изложена программа разрешения главнейших вопросов: земельного, национального, рабочего в духе программы с‘езда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, было принято также постановление о рабочем контроле, наделении горцев землей и об организации народных советов на местах.

Таким образом, программа была дана, а также намечены основные принципы организации не советской власти, а власти „советского типа".

Характерно, что значительная часть казачества на этом с‘езде примкнула к большевикам. Но этот „казачий большевизм", в своеобразных условиях терской действительности, был своего рода маневром для привлечения на свою сторону иногороднего населения, фронтовиков и рабочих, которых кулацкая часть казачества хотела использовать для борьбы с горцами.

С‘ездом был избран Терский областной народный совет под председательством левого эсера Пашковского. В совет вошли иногородние, казаки, кабардинцы, балкарцы и осетины.

Совету было поручено созвать вторую сессию через 15 дней в Пятигорске, где атмосфера была иная, чем в казачьем Моздоке,

при чем на этот с'езд были приглашены представители Чечни и Ингушетии.

В период от первой сессии до второй, состоявшейся 15 (28) февраля в Пятигорске, борьба казачества с чеченцами и ингушами не прекращалась.

На второй сессии С'езда трудовых народов Терской области в Пятигорске присутствовали делегаты Чечни (Асланбек Шерипов) и Ингушетии (Ахриев и другие). Правда, и на этом с'езде казаки пытались было призывать делегатов „встать всем с оружием в руках и побить Чечню, выгнать ее в горы", но голос казачества, призывавшего к уничтожению чеченцев и ингушей, звучал здесь слабее, чем в Моздоке. В начале 1918 года перед большевиками на Тереке стояла задача—доделать буржуазную революцию и сделать ряд подготовительных шагов к пролетарской. Остатков феодализма на Тереке было значительно больше, чем в остальной России как среди казачества, так и у горцев.

Терский народный совет и Совнарком пришли на смену союзу феодалов и крупной буржуазии—Терско-Дагестанскому правительству: эпохи буржуазной демократии Терек не переживал, в силу этого пришлось не только доделывать буржуазную революцию, но кое-где начинать сначала. Так обстояло дело у ингушей, и даже в казачьих областях, где иногородние не везде пользовались правом голоса.

По текущему моменту с'езд принял следующую резолюцию:

„2-я сессия Терского народного с'езда, заслушав доклад о текущем моменте в Терской области, находит: чрезвычайная угроза революции, исходящая от империалистического Запада, не замедлит отразиться и на жизни Терской области. Революция в России, вообще, и в Терской области, в частности, находится в опасности и отсюда встают чрезвычайные задачи перед терской демократией, об'единенной на с'езде. Задачи эти усугубляются особенно тем, что Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и гражданской войны. Единственным выходом из создавшегося у нас в Терской области положения является путь, указанный на Моздокском с'езде, т. е. об'единение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, крестьян, трудовых казаков и горцев.

Это положение должно быть руководящим при дальнейших шагах революционной демократии, как-то: при организации местной власти и при создании ответственных органов в области".

Эта резолюция определяет целиком настроение с'езда: он пошел за большевиками.

При обсуждении национального вопроса и вопроса об организации власти неизбежно наталкивались на земельный вопрос. Не даром с'езд отложил разрешение вопроса об организации власти до решения земельного вопроса, от которого уклонилось казачество. По национальному вопросу с'езд принял следующую резолюцию:

Терская область является составной частью Российской федерации и является союзом народов и племен, политическое участие которых в управлении областью выражается пропорциональным представительством в составе единого органа областной власти".

По земельному вопросу был принят подавляющим большинством закон о социализации земли, принятый II Всероссийским с‘ездом советов. После этого часть казаков покинула с‘езд с заявлением, что земельный вопрос правомочен разрешить только „хозяин земли русской — Учредительное собрание“.

Наконец, большинством 220 против 22-х, при 44-х воздержавшихся, 14-го марта была признана власть Советов народных комиссаров.

Вопрос о признании советской власти привел к развалу социалистического блока: социал-соглашатели, в роде эсера Мамулова, выступавшие в защиту Учредительного собрания, оказались в ничтожном меньшинстве. Правые эсеры и некоторые меньшевики покинули блок, некоторые меньшевики заняли выжидательную позицию, меньшевики-интернационалисты, а также левые эсеры пошли за большевиками и вошли в Народный совет.

Состав Терского народного совета был установлен следующий: от кабардинцев — 7, осетин — 8, казаков — 10, балкарцев — 2, иногородних — 14, чеченцев — 14, ингушей — 8, кумыков — 1, железнодорожников — 2, почт.-тел. союза — 1. К группе иногородних при выборах был присоединен социалистический блок.

Одновременно с Пятигорским с‘ездом во Владикавказе заседал Терский войсковой казачий круг, которому, по предложению казачьей фракции, была послана телеграмма о том, чтобы делегаты раз‘ехались по домам.

Однако, Войсковой круг 7-го созыва все же заседал во Владикавказе с 26-го марта по 6-е апреля 1918 года (под председательством Фальчикова), но был переименован в с‘езд. На этом с‘езде казачество приветствовало Терский народный совет, как единую в области власть, и постановило создать при нем Хозяйственный совет из 8-ми человек.

5-го марта с‘езд постановил переехать из Пятигорска во Владикавказ. Организовавшиеся во Владикавказе офицерские сотни, во главе с Беликовым и Кибировым, пытаясь возродить Терско-Дагестанское правительство, заняли вокзал и предполагали врасплох напасть на с‘езд. Однако, рабочие Курской слободки Владикавказа, после суточного боя, разгромили офицерство, и с‘езд благополучно переселился во Владикавказ. Остатки „правительства“ (кн. Алхазов — министр внутренних дел) в своей декларации заявили о сложении с себя власти и передаче ее Национальным советам.

Впрочем эта авантюра не перешагнула через себя.

В Кабарде 21-го марта открылся первый Народный с‘езд представителей трудящихся Кабарды и Балкарии. В Нальчике были разоружены все белогвардейские офицерские отряды.

Что касается Ингушетии и Чечни, то здесь народные массы лишь начали пробуждаться, но и среди них советская власть нашла впоследствии многих „мюридов революции“, и первым из них был чеченец-большевик Асланбек Шерипов. В революционном центре Осетии—с. Христиановском руководство переходит к

керменистам, организуется народная милиция, а впоследствии Совет обороны.

Октябрь не скоро докатился до горской бедноты, слишком много препятствий стояло на пути русского пролетариата к горскому пастуху и земледельцу.

В то время как Терский народный совет переехал во Владикавказ, где скрещивались интересы горских национальностей, в Пятигорске под охраной Ревштаба организуется первый большевистский Совет, к которому переходит власть. С 1-го по 6-е марта 1918 года, создав предварительно вооруженную силу, пятигорские большевики, во главе с Анджиевским, вели агитацию за перевыборы совета, 6-го марта на первом заседании Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Исполком на две трети оказался большевистским и председателем был избран Анджиевский.

Горские националисты не пожелали признать себя банкротом. Бежав в Дагестан, горское правительство уведомило министра иностранных дел Грузинской республики, что „13-го марта правительство Союза горских народов Кавказа под напором большевистских сил было вынуждено, дабы не подвергнуть мирное население ужасам гражданской войны и истреблению, расформировать свои воинские части и временно покинуть территорию Горского союза". В дальнейшем горское правительство служило всем понемногу: и туркам, и англичанам, и добровольцам.

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.

С первых же дней Октябрьской революции Северный Кавказ был отрезан от остальной России Калединым, затем, после небольшого перерыва, германской оккупацией и Красновым и, наконец, Деникиным.

В великих муках рождалась советская власть на Северном Кавказе. Пролетариату, боровшемуся под руководством партии, с большим трудом, да и то не всегда, удавалось вводить в русло разбушевавшуюся мелко-буржуазную стихию.

В организации советской власти и условиях ее деятельности между неказачьими областями — Ставропольской и Черноморской губерниями — и казачьими было существенное различие.

В Ставропольской губернии советская власть, как указано выше, была признана первым с'ездом Советом (Народным собранием) в ночь на 1 (14) января 1918 года. В резолюции ставропольское крестьянство решительно отмежевалось от Юго-Восточного союза. Резолюция гласит, что Ставропольской губернии, „как губернии с преобладающим крестьянским населением, не вступать в Юго-Восточный казачий союз, руководимый генералами". Этот же с'езд постановил:

> „Признать власть Всероссийского совета народных комиссаров, организовать в Ставропольской губернии советскую власть, для чего избрать Губернский исполнительный комитет, упразднить Ставрополь-

ское губернское земство и ряд других организаций, а их функции передать Советам народных комиссаров".

В Черноморской губернии была провозглашена Черноморская республика, об'единившаяся в июне 1918 года с Кубанью, под названием Кубано-Черноморской республики. В Новороссийске после взятия власти служащие правительственных учреждений об'явили однодневную забастовку в знак протеста, но забастовка закончилась на другой день.

Надо заметить, что в Новороссийске переворот произошел 1 (14) декабря 1917 года, а в Екатеринодаре лишь 1 (14) марта 1918 года и, таким образом, в течение 3-х месяцев Новороссийск был отрезан от Кубани и лишен продовольствия, которое оттуда получалось. Революционный Новороссийск сосредоточил свое главное внимание на борьбе с контрреволюционным Екатеринодаром и на вопросах продовольствия, которые особенно остро стояли в связи с тем, что через Новороссийск катилась с турецкого фронта демобилизованная Кавказская армия.

В июне 1917 года в Новороссийске был потоплен Черноморский флот. История потопления флота такова. Немцы, захватив Ростов, развивали одновременно наступление в Крыму, угрожая Новороссийску. Через некоторое время по прибытии флота в Новороссийск, командующий флотом Саблин получил от главнокомандующего немецкими вооруженными силами на Востоке Эйхгорна телеграмму с требованием возвращения судов в Севастополь, в противном случае Эйхгорн угрожал наступлением на Черноморское побережье. 10 июня Германия пред'явила Совнаркому ультиматум о выводе к 19 июня флота из Новороссийска в Севастополь, но флот, за исключением некоторых судов, был потоплен.

Несмотря на все затруднения, стоявшие перед советской властью в Ставропольской и Черноморской губерниях, первые шаги в Ставропольской и Черноморской губерниях были направлены к созидательной работе. При саботаже интеллигенции и разлагающей работе меньшевиков и эсеров, рабочие и крестьяне проявили максимум революционной самодеятельности и, под руководством партии, нащупывали правильный путь. Крестьянство Ставропольской и Черноморской губерний целиком поддерживало власть „Совета народных комиссаров". И здесь, и там советская власть пала под давлением внешней силы: в Ставрополье — под ударами Добровольческой армии, в Черноморской губернии — под ударами Добровольческой армии и грузинских меньшевиков. Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что основная масса крестьянства Ставропольской губернии совершенно сознательно признала гегемонию пролетариата и чуть не поголовно мобилизовалась на защиту советской власти. Ту же смычку рабочего класса с крестьянством мы наблюдаем и в Черноморской губернии, где диктатура пролетариата опиралась на полную поддержку крестьянства (в Сочи, Туапсе).

В неказачьих областях власть Советов была установлена мирным путем; в казачьих областях пролетариату приходилось

с боем расчищать путь к власти. Важнейшей предпосылкой победы здесь послужил раскол казачества: благожелательный нейтралитет массы казачества на Кубани и активная борьба за советскую власть фронтового казачества на Дону. В этой борьбе казачьи верхи оказались генералами без армий. Главнейшей опорой контрреволюции явилась Добровольческая армия, об'единившая в своих рядах махровое черносотенное офицерство и буржуазную белую гвардию. Иногороднее население, в том числе и крестьянство, в основной массе оказалось на стороне советской власти.

Какой социальный сдвиг произошел в казачьих областях в первый период советской власти? Основная масса казачества, сохранявшая благожелательно нейтралитет или активно участвовавшая в борьбе с генералами, с чуждыми хлеборобу панами,— как только речь зашла о дележе земли с иногородними и об учете хлеба, под влиянием кулацкой агитации, выступила против пролетариата, против иногородних, против „иногородней" крестьянской России.

„Иногороднее" население, послужившее в первый период опорой советской власти, в свою очередь стало распадаться, и кулацкие элементы деревни, как это мы видим в Ставропольской губернии и на Тереке, открыто восстали против Советов.

В центре Донской области — Ростове — советская власть просуществовала в 1918 году недолго: с 23 февраля по 9 мая. Калединщина была свергнута наспех сколоченными отрядами Красной гвардии и фронтовым казачеством, во главе с Подтелковым и Кривошлыковым, образовавшим в ст. Каменской Областной военно-революционный комитет. Но те силы которые помогли пролетариату в борьбе с калединщиной, обратились вскоре против советской власти. На Дон, под напором немцев, покатились с Украины красногвардейские отряды, к которым примазалось не мало бандитских и уголовных элементов, дискредитировавших советскую власть.

Весь период существования советской власти на Дону прошел под знаком контрреволюционных восстаний, подкатывавшихся порой к самому Ростову. Так, во время С'езда советов в Ростове шло разоружение отрядов, превратившихся в анархические банды и угрожавшие самому существованию советской власти. Всюду кишели офицерские контрреволюционные организации и вспыхивали мятежи. Мятежники, заняв Новочеркасск, где организовался „Совет обороны", подошли было 21 апреля к Ростову, но были разбиты.

На местах в этот период контр-революционерами создавались „Советы обороны", которыми руководили белогвардейские офицеры.

Гражданская война не затихала ни на один момент. Несмотря, однако, на все это, в Донской советской республике намечалось советское и хозяйственное строительство.

23-го апреля Ростово-Нахичеванский совет постановил Ростов и Нахичевань об'явить трудовой коммуной. Все имущество, имеющееся в городе у кого бы то ни было, за исключением советских учреждений, было решено передать Совету рабочих депутатов, как высшему органу коммуны. Но Ростово-Нахичеванская коммуна существовала только 74 дня.

На Кубани, в Екатеринодаре, советская власть просуществовала несколько дольше, чем на Дону,— почти пять месяцев, с 1 (14) марта по 15-е августа 1918 года, когда Екатеринодар был занят Добровольческой армией. Здесь точно так же провозглашение советской власти явилось результатом ожесточенной гражданской войны, что не могло не отразиться на структуре советской власти и общей обстановке.

Как было указано выше, I Областной с'езд советов состоялся на Кубани еще задолго до взятия Екатеринодара 4 (17) февраля в Армавире, куда собрались делегаты, недопущенные Войсковым правительством на С'езд народных депутатов в Екатеринодаре. Этот С'езд об'явил Войсковое правительство вне закона и избрал I Областной совет и Центральный исполнительный комитет, который занялся организационной работой, формировал отряды Красной гвардии и т. д., хотя, впрочем, он себя проявил мало.

На 1 (14) апреля был созван II с'езд советов Кубанской области, на котором присутствовал 591 делегат. Подавляющее большинство составляли большевики, остальные частью принадлежали к партии левых эсеров, частью к анархистам и беспартийным. По вопросу о политическом моменте с'ездом, вопреки предложениям левых эсеров, выступавших против Брестского мира, была принята резолюция большевиков, за резолюцию подано 422 голоса против — 63, воздержалось — 83. С'езд провозгласил Кубанскую область Советской республикой.

С'езд принял закон о земле, руководствуясь теми законодательными актами, какие были изданы до сего времени властью Российской советской федеративной республики: декрет о земле, инструкциями земельным комитетам и, наконец, основным законом о национализации земли.

Из декрета вытекало, во-первых, уничтожение понятия о „войсковой земле“, во-вторых, беднейшее иногороднее население получило землю, в третьих, по кулацкому хозяйству, т. е. по значительной группе казачьих хозяйств, ударило запрещение наемного труда и уничтожение арендной платы, т. е. основную массу иногороднего населения — арендаторов и батраков — декрет противопоставлял влиятельной группе казачества — зажиточной и кулацкой, которая повела за собой середняков.

К этому времени отряд Добровольческой армии, отступивший из Ростова на Кубань (часть казачества отступила из Ростова под начальством Попова и Семилетова в Сальский округ Донской области) в составе 3.500 человек, при 10 орудиях, об'единился 27 марта близ станицы Калужской (в ауле Шанжей) с отря-

дом бежавшей из Екатеринодара Кубанской рады, под командой Покровского.

Блуждая по донским, ставропольским и кубанским степям, Добровольческая армия находилась в крайне тяжелом положении. Насчитывая в своих рядах, после соединения с отрядом Кубанской рады, 8—9 тысяч человек, Добровольческая армия, под начальством генерала Корнилова, повела наступление на Екатеринодар. 10-го апреля, в дни II С'езда советов, добровольцы подступили к Екатеринодару. Осада города продолжалась 7 дней. Дни осады были днями величайшего под'ема масс. Не только рабочие Екатеринодара, но просто обыватели с оружием в руках защищали город. Делегаты с'езда днем сидели в окопах, а ночью заседали. Войсками командовал Автономов, избранный главкомом С'ездом советов. Рабочие и их семьи проявили в эти дни необычайный энтузиазм: отцы и мужья защищали город от белых, а женщины и дети разносили по окопам патроны и пищу.

13-го апреля на ферме близ Екатеринодара, между Екатеринодаром и ст. Елизаветинской, разорвавшимся снарядом был убит генерал Корнилов. Деморализованные белогвардейские отряды, под командой генерала Деникина, вынуждены были отступить и двинулись на границы Донской области. Добровольческая армия была отбита, но не уничтожена.

13 апреля было опубликовано приветствие II Кубанского областного с'езда советов революционным войскам, женщинам-работницам и всем принявшим активное участие в обороне г. Екатеринодара:

„Товарищи, Областной с'езд советов и Областной исполнительный комитет, избранный с'ездом, как высшая власть в Кубанской советской республике, организованная волею угнетенных трудящихся масс — шлет вам горячий привет!

Солдаты Красной рабоче-крестьянской армии!

Вам, не щадившим собственной жизни, от имени угнетаемого народа Кубанской республики, от имени рабочих всего мира!

Мы, представители советской власти, говорим вам — спасибо!

Товарищи, знайте, не забудется то, что вы сделали. Огненными буквами начертаны будут на страницах истории ваши битвы с врагами освободившегося человечества!

И близок день, когда миллионы освобожденных от ига капитала скажут Вам свое громкое браткое спасибо!

Мы же, свидетели и участники ваших страданий, приложим все усилия к тому, чтобы вознаградить вас за понесенные труды и, главное, утереть слезы тем, кто в этих битвах утерял отцов, братьев, мужей, сестер и жен.

Женщины-труженицы, мы восторгаемся вашей доблестью.

Вы доказали перед всем миром, что вы, неприлично одетые и плохо воспитанные, выше умом и сердцем против одетых в шелка и бархат и получивших высшее светское воспитание!

Слава вам. Слава павшим. Живые — к новым битвам и победам ради угнетенных с угнетателями!"

Да здравствует Красная социалистическая армия!

Да здравствует социализм"!

28 мая (10 июня) был созван III Чрезвычайный с'езд советов Кубано-Черноморской области.

На этом же с‘езде было постановлено созвать Северо-Кавказский с‘езд советов из представителей Кубани Черноморья, Терека и Ставропольской губернии.

В этот период на Кубано-Черноморскую республику надвигалась опасность со стороны немцев, которые вступили в Крым и продвигались на Дон. В связи с этим, началась агитация за присоединение Кубани и Черноморья, как областей, в которых жители говорят на украинском языке, к Украине.

Опасность со стороны немецких войск заставила приняться за создание соответствующей армии. Еще 1-го мая в Новороссийске состоялось военное совещание, на котором было решено перейти на фронтовую войну и об‘единить все отряды в боевые колонны, что и было проведено в жизнь. Кубанская армия была разбита на 10 стрелковых колонн (по 8—10 полков в каждой). Оружие решено было добывать из Трапезунда от Кавказской армии. В начале мая Кубанская армия, по декрету из центра, реорганизовалась в Красную армию, куда влились части Красной армии, эвакуировавшиеся в Новороссийск из Крыма.

В мае образовался фронт под Ростовом против немцев, требовавший больших сил, одновременно на Кубани появилось несколько внутренних „фронтов“ против ушедших в горы казаков, не подчинившихся декрету о мобилизации.

Серьезность положения усугублялась углублением хозяйственного кризиса.

Особенно давал себя чувствовать финансовый кризис. В Армавире был устроен даже „монетный двор“, где чеканились медные деньги, при чем на чеканку шла медь от котлов и другого оборудования винокуренного завода. Сначала пробовали чеканить из чугуна, но первые экземпляры были настолько некрасивы, что от чеканки чугунных денег отказались. Решено было чеканить деньги из красной меди достоинством в 1, 3 и 5 рублей. На деньгах был изображен орел, но только не двуглавый, и деньги охотно принимались населением.

Уже в первой половине мая начались кулацкие восстания (в станицах Староминской и Киевской), которые были подавлены вооруженной силой. В начале июня кулацкое восстание перекидывается в станицу Васюринскую, близ Екатеринодара, затем в станицу Григорополисскую Армавирского отдела. В июле начались вспышки восстаний в Лабинском отделе и в станицах Рязанской, Старокорсунской и друг. В Баталпашинском отделе появляется со своим отрядом Шкуро.

Вместе с тем, в самом Екатеринодаре меньшевики и эсеры, исключенные 1 июля из совета, вели агитацию против советской власти.

Ко всему этому следует прибавить обострение взаимоотношений с черкесами. В марте-апреле 1918 года при Кубано-Черноморском исполнительном комитете был организован комиссариат по делам горцев, который, однако, благодаря отсутствию работников, не сумел вырвать черкесское крестьянство из-под влияния

дворянства, толкавшего его в об'ятия Добровольческой армии и контрреволюционного казачества. Участие черкесов, под начальством Султан Гирея, в Добровольческой армии повлекло за собой разоружение черкесских аулов и всяческие самочинные выступления местных отрядов против черкесов. Это обострение отношений повлекло, в свою очередь, после разгрома красных Деникиным, жестокую месть со стороны черкесов красным отрядам.

Поскольку во взаимоотношениях между кубанским казачеством и черкесами не стоял остро земельный вопрос, старые раны, нанесенные черкесскому народу политикой царизма, здесь менее чувствовались, чем на Тереке. Черкесские феодалы, во главе с генералом Султан Гиреем, выступили от имени черкесского народа и от его имени заключили союз с казачьим дворянством.

Первоначальной формой организации власти являлись „Советы народных депутатов". „Паритет" был первым шагом от казачьего самоуправления к советской власти в Лабинском отделе, где на паритетных началах был созван 30 января I с'езд советов — 110 от казаков и 110 от иногородних, — именовавшийся „Бессословным с'ездом народных депутатов".

Советское строительство на Кубани протекало под знаком беспрерывной гражданской войны. По существу фронт существовал в каждой станице, где казачество и иногородние стояли друг против друга лицом к лицу, при чем казачество об'единилось не столько общностью экономических интересов, сколько общностью традиций и бытового уклада, которые были использованы дворянством и кулачеством. Борьба разбилась на десятки мелких стычек, фронты то появлялись, то исчезали, возникали штабы и армии, распадаясь, чтобы вновь возникнуть, когда это будет необходимо.

Июль 1918 года открывает новый этап в истории революции на Северном Кавказе.

5 (18) июля в Екатеринодаре открылся I Северо-Кавказский с'езд советов. I Северо-Кавказский с'езд советов знаменует переход революции на Северном Кавказе в новую фазу: от мелкобуржуазной демократии, бессословных и „паритетных" „Народных советов" к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства.

С'езд дал новую установку всей последующей деятельности советской власти. На с'езде большинством 230 против 131, при 4-х воздержавшихся, принята следующая резолюция, предложенная большевиками:

„Первый Северо-Кавказский с'езд советов народных депутатов полагает, что задачами советской власти в переживаемый этап революции является:

1. Создание боеспособной армии, сильной своей дисциплиной и революционным сознанием и способной оборонять Северный Кавказ от посягательства иноземного и российского империализма. Оборону Северного Кавказа от всех врагов советской власти с'езд считает самой главной задачей трудовых масс Кавказа.

2. Самая беспощадная борьба с контрреволюцией и предательскими партиями меньшевиков и правых эсеров.

3. Неустанная работа по раз'яснению рабоче-крестьянской бедноте лживых заверений буржуазно-предательских партий об Учредительном собрании, как о единственном выходе из создавшегося положения. Раз'яснения массам сущности советской власти и той опасности, какая грозит им при ее падении.

4. Организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацкими элементами крестьянства и казачества.

5. Констатируя недостаточно активную деятельность советской власти в городах и особенно в станицах, деревнях и аулах, С'езд считает безусловно необходимым проведение последовательной социализации земли, национализации, контроля, борьбы со спекуляцией, в области разрешения жилищного вопроса и др. социальных мероприятий. I с'езд полагает, что необходимо прежде всего и, главным образом, сохранить устойчивое положение власти в центре и, зная, что там на севере положение советской власти может пошатнуться только благодаря отсутствию хлеба, постановляет: принять все меры для оказания нашей помощи товарищам на севере усиленной доставкой хлеба и охраной железных дорог, ведущих в северную Россию".

На этом с'езде была организована Северо-Кавказская республика, с центром в Екатеринодаре, в состав которой вошли: Черноморье, Кубань, Ставропольская губерния и Терек.

По докладу Орджоникидзе об об'единении всех областей Северного Кавказа в единую Северо-Кавказскую республику было принято постановление следующего содержания:

„4. Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и советской власти и для организации успешной совместной борьбы с надвигающимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских и донских контрреволюционеров необходимо самое тесное об'единение всех советских республик между собой и самая тесная связь их с центром.

5. Первый Северо-Кавказский с'езд советов народ. депутатов постановляет: Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики отныне об'единяются в единую Северо-Кавказскую советскую республику — часть великой Российской советской социалистической федеративной республики.

С'езд поручает ЦИК республики немедленно снестись с Терским народным советом о присылке ими своих представителей в ЦИК

С'езд выражает уверенность, что в самом ближайшем будущем восставший трудовой народ Дона и Закавказья свергнет иго своих поработителей, и тогда республика Северного Кавказа сольется со своими соседями в единую Южно-Русскую социалистическую республику".

Около того времени в Екатеринодаре состоялся I Северо-Кавказский с'езд коммунистической партии (большевиков), который закончил свои работы 3 (16) июля 1918 года[1]. На этом с'езде обсуждался вопрос о текущем моменте, затем были заслушаны доклады с мест.

„Во всех докладах, — читаем мы в отчете, — красной нитью сквозило, с одной стороны, громадное влияние партии в советах

[1] До июля 1918 года единого партийного центра для всего Северного Кавказа, включая область войска Донского, не существовало, и это отразилось на работе местных партийных организаций.

и в то же время падение партийной работы в настоящее время. Все ораторы жаловались на недостаток работников...“

Однако, Северо-Кавказская республика, которая должна была спаять рабочих, казаков и основные бедняцко-середняцкие массы крестьян и горцев Северного Кавказа, в силу создавшихся условий просуществовала недолго. 18-го июля Добровольческая армия заняла ст. Тихорецкую, чем была предрешена судьба Екатеринодара и всего Северного Кавказа. 16-го августа пал под ударами Добровольческой армии Екатеринодар.

На Тереке власть Совнаркома была признана 2-й сессией с‘езда трудовых народов Терской области 4 (17) марта 1918 г.

Чтобы была понятна постановка национального вопроса в этот период, приведем выдержки из статьи т. Сталина, в то время — Наркома по делам национальностей:

„Для того, чтобы власть там стала народной, — читаем мы, — а трудовые массы социалистическими, необходимы между прочим специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процессе революционного развития, необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений, с гарантией полноты прав местного родного для трудовых масс края языка во всех сферах общественно-политической работы.

В этих видах и провозгласил третий с‘езд советов федеративный строй Российской советской республики.

Автономно-буржуазные группы в ноябре и декабре прошлого года в окраинах поволжских татар, башкир, киргиз, Туркестанского края постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них „их же собственные массы“ и сплотить последние вокруг советов, необходимо взять у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны, и превратить ее из буржуазной в советскую.

Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления „своих собственных масс“, именно поэтому, „признавая центральную советскую власть“, они вместе с тем не хотят признать местных советов, требуя невмешательства в их внутренние дела“. Некоторые советы на местах решили в виду этого отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая „разрешение“ национального вопроса путем оружия. Но этот путь совершенно непригоден для советской власти. Он, этот путь, способен только сплотить массы вокруг, выставить спасителями „родины“, защитниками „нации“, что ни в коем случае но входит в расчет совесткой власти. Не отрицание автономии, но признание ее является очередной задачей советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и народной для масс, т. е. необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть“.

Терская народная республика была именно попыткой превращения буржуазной автономии в социалистическую, в условиях многонационального и пестрого по своему экономическому укладу края. Она была противопоставлена не только автономии

феодалов и крупной буржуазии (Горской республике), но и мелко-буржуазной автономии меньшевистской Грузии, пытавшейся распространить свое влияние на Северный Кавказ.

Национальный вопрос заслонил на Тереке остальные вопросы, к тому же горские народы были слабо диференцированы, а пролетариат малочислен и недостаточно организован. Надо было сначала отвоевать у горской и русской контрреволюции горское крестьянство, трудовое казачество и иногороднее население.

При наличии внешних аттрибутов советской власти — Терский народный совет представлял собой попытку сочетания принципов советской власти с принципами мелко-буржуазной демократии. Большевистская фракция толкала его на революционный путь и использовывала для дискредитирования горских мелко-буржуазных националистов и социал-соглашателей перед широкими массами.

Меньшевики и эсеры, вместе с казачеством и частью горской интеллигенции, будучи вынуждены согласиться на формальное признание советской власти, пытались использовать в свою очередь Терский народный совет против диктатуры пролетариата. Между тем, большевистская фракция Терского народного совета, в блоке с левыми эсерами и большинством горцев, проводя политику изоляции казачества, оттачивала классовое сознание горцев на наиболее действительном оселке — земельном вопросе, и постепенно вооружала революцию, создавая Красную гвардию, строя советы в городах и проводя законодательство в соответствии с советскими.

Наряду с Народными советами существовали Советы рабочих депутатов. Наиболее значительными по своему влиянию на ход развития революции в Терской области являлись Пятигорский и Грозненский советы.

Терский народный совет на первых же шагах столкнулся с национальной рознью, которую раздувало многочисленное офицерство.

Народный совет созывал с'езды в Ингушетии, Кабарде и у казаков, на которых вырабатывали способы ликвидации национальных войн.

22 мая в Грозном была созвана 3-я сессия Терского народного совета. Основным вопросом 3-й сессии был земельный вопрос. Из представителей отдельных национальностей была создана комиссия, которая к 1-му июня 1918 года должна была закончить свои работы. По делам земельной политики был создан при комиссариате совет, в который входили по 2 представителя от каждого народа. Арендная плата была уничтожена. Некоторое удовлетворение землей получило горское население Осетии и Ингушетии.

Вопрос о земле на 3 сессии был поставлен ребром. Казачье дворянство и кулачество требовало разгона с'езда, но социал-соглашатели предполагали бороться путем провала земельной

реформы. Большинство с'езда пошло за большевиками. Социалистический блок развалился, большевики совместно с осетинской организацией „Кермен", за которой шла осетинская беднота, и левыми эсерами образовали новый социалистический блок. Меньшевики и правые эсеры пошли с казачеством. Надежды горской массы на то, что казачество добровольно пойдет на уступки, не оправдались. Обе стороны стали готовиться к вооруженной борьбе.

3-я сессия с'езда народов Терской области является переломным моментом в истории революционной борьбы на Тереке. На этом с'езде произошел сдвиг, смысл которого заключался в том, что на смену национальным группировкам пришло классовое расслоение.

Еще ранее началась борьба осетинских крестьян с осетинскими помещиками и кулачеством, закончившаяся разделом земли. Кабардинское крестьянство точно так же восстало против дворянства и князей. В Осетии (Дигория) борьба крестьянства протекала под руководством партии „Кермен", в Кабарде, где были сильны узы феодализма, где мусульманское духовенство имело большое влияние на крестьянскую массу, борьба кабардинского крестьянства велась под руководством небольшой группы коммунистов, к которым примкнуло демократически настроенное духовенство.

Несколько иное положение сложилось в Ингушетии, где над отсталыми темными массами, которые видели одного врага, стоявшего на пути к разрешению земельного вопроса — казачество, — господствовал ловкий авантюрист Джабагиев. Ингуши целиком стояли за советскую власть, здесь выступал весь народ, зажатый в тиски земельной чересполосицы.

Особое положение занимала Чечня, где чеченское крестьянство всецело находилось под влиянием мулл и шейхов, из которых одни ориентировались на Турцию, другие на Англию, третьи на казачество.

На 3-й сессии произошел не только раскол социалистического блока. Этот блок и до этого времени существовал лишь фиктивно. На С'езде народы Терека самоопределились на классовой основе: революция стерла религиозные и национальные различия. Русский пролетариат заключил союз с крестьянством Осетии, с ингушской беднотой, с кабардинским крестьянством, восставшим против своих князей, а эсеры и меньшевики пошли во главе кулацкой части казачества и иногородних, в союзе с кабардинскими феодалами, осетинской знатью, чеченскими миллионерами и ингушскими офицерами, пригретыми в свое время царским правительством.

Во главе контрреволюции стояла казачья фракция Терского народного совета. Подготовка терского казачества к восстанию велась с конца мая (на Минеральной группе, в Моздоке, в Кизляре и Владикавказе). Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полковником Шкуро

Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию (Минеральная группа).

Восстание быстро перекинулось в Моздокский отдел, который не успели обезоружить.

Потеряв надежду на получение земли мирным путем, 5-го июня ингуши напали на станицы Тарскую, Аки-Юртовскую, Сунженскую и Фельдмаршальскую. В ответ на это казаки разгромили ингушский аул Бардабос. 8 (21) июня, когда казаки пытались спровоцировать во Владикавказе красноармейцев против ингушей, был убит председатель Совнаркома Буачидзе, который отправился уговаривать толпу. Так погиб один из преданных и энергичных работников того времени.

В период июнь-август на Тереке разгорается гражданская война. По казачьим станицам и на казачьих с'ездах выносится резолюция о свержении советской власти (6 июня на хут. Терском, затем на Кизлярском отдельском с'езде).

К этому времени во Владикавказ приехал из Тифлиса Краевой комитет РКП и по его директиве 10 (23) июля во Владикавказе была созвана 4-я сессия с'езда трудовых народов Терской области. С'ездом было предложено казакам заключить мир. Была избрана делегация для переговоров с казаками. Казаки заключили перемирие, а затем успешно повели наступление. Народный совет, после попытки мирных переговоров с возглавлявшим восстание Бичераховым, постановил вести с врагами советской власти „беспощадную борьбу вплоть до окончательного укрепления... советской власти".

На 4-й сессии казачье кулачество и офицерство выявило свою контрреволюционную позицию, меньшевики, эсеры и группа осетинских делегатов открыто поддерживали казачью контрреволюцию. В ночь с 5 на 6 августа казачье-осетинская банда врасплох напала на Владикавказ и захватила Владимирскую и Осетинскую слободки.

Большинство с'езда, во главе с коммунистами, приняло на себя защиту Владикавказа, а казачество, вместе с осетинскими делегатами, эсерами и меньшевиками, примкнуло к казачье-белогвардейской контрреволюции.

Давший трещину на 3 с'езде социалистический блок распался на два вооруженных лагеря.

Когда казаки захватили Владикавказ, часть С'езда, пробравшись при помощи ингушей в Назрань, бросила клич уничтожить казачью чересполосицу в Ингушетии, дать безземельным горцам землю за счет казачества. Ингуши спасли Владикавказ, отстояли советскую власть. На 5-й сессии с'езда трудовых народов Терской области (в декабре 1918 г.) тов. Орджоникидзе по этому поводу сказал:

— Я помню момент перед концом 4-го с'езда, когда мы висели на волоске; это был момент неуверенности, когда за нами не шли, и на нас робко оглядывались. Но в этот момент одиночества советской власти маленький народ стал на защиту совет-

ской власти... Только ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь...

В то время, когда белогвардейцы напали на Владикавказ, казачество Кизлярского отдела пыталось разоружить грозненский пролетариат. 11-го августа 1918 года Грозненский совет потребовал от казачества ст. Грозненской сдать оружие, но станица Грозненская сначала оттягивала время, ведя переговоры с Грозненским советом, а затем, получив помощь от сунженцев, вступила в бой с грозненскими рабочими.

Грозненская Красная армия насчитывала в своих рядах до 3.000 человек (кроме самообороны), а со стороны казачества выступало 15.000. Не имея в достаточном количестве вооружения (патроны покупали у чеченцев по 5 руб. за штуку), снаряжения и продовольствия, она выдержала осаду в течение 91 дня. В первый день осады по Грозному было выпущено 1.800 снарядов. Грозный был совершенно разрушен. Из нефтепромышленников и буржуазии была создана буржуазная рота, рывшая окопы и выполнявшая черную работу. Казачество требовало разоружения Красной армии. Сочувствие чеченцев было на стороне рабочих (например, аул Атагинский вынес резолюцию о создании для помощи грозненцам отряда), но муллы и шейхи парализовали чеченцев.

Осада Грозного продолжалась с 29 июля (11 августа) до 16 (29) ноября. Защитой Грозного руководили организаторы Красной армии тт. Гикало и Левандовский. Соединенными усилиями грозненской Красной армии, во главе с т. Гикало, и владикавказских отрядов, во главе с Левандовским, казачество было разбито, контрреволюционеры частью скрылись в горы Чечни, частью спустились вниз по Тереку и рассеялись по казачьим станицам.

Одновременно с ликвидацией восстания в Грозном велась борьба против Прохладной и Моздока.

В Моздоке было организовано правительство, представлявшее собой блок эсеров „учредиловцев" с кулацкой частью казачества и махровыми черносотенцами. Созванный на 25 сентября в Моздоке Казачье-крестьянский с'езд Терской области признал власть выделенного 4-й сессией Народного совета, после разгона Совнаркома, Временного исполнительного комитета, во главе с эсером Семеновым, и образовал, так называемое, „Казачье-крестьянское Правительство". Во главе правительства стоял эсер Георгий Бичерахов, брат которого, Лазарь Бичерахов, находившийся в Дагестане и проводивший там политику Англии, снабжал контрреволюционеров Терека оружием и деньгами. Помогали также и французы. Моздокское правительство получило поддержку и от Деникина.

Одновременно шло наступление со стороны Грузии. Лишь 20 июля (2 августа) был заключен договор между Грузинской республикой и Терским советом народных комиссаров, которые дали друг другу заверения, что „никаких агрессивных намерений друг против друга не имеют".

Наконец, в итоге ожесточенной борьбы, Терек был освобожден и местная, так сказать, контрреволюция была раздавлена. 28 ноября во Владикавказе открылась 5-я сессия с'езда трудовых народов Терской области, под председательством Кавтарадзе. На этом с'езде конституция терской республики была изменена в соответствии с конституцией РСФСР. На местах были созданы Ревкомы. Этот с'езд подвел итоги борьбы за первый период. В своем докладе председатель Совнаркона Буллэ указал, что ингушская и осетинская беднота целиком на стороне советской власти, но что ей грозит опасность со стороны чеченской „бичераховщины", в лице посаженного турками в Дагестане Горского правительства.

В об'яснение того, почему чеченцы не явились в период борьбы с бичераховщиной активной силой в борьбе за советскую власть, выступивший на этом с'езде Асланбек Шерипов сказал:

— Если в России революция выразилась в освобождении от насилия помещиков и фабрикантов, то в Чечне она выражается в движении сельского населения за землю. Наша революция в экономическом отношении может основываться только на земельном вопросе, а в политическом—на борьбе с институтом шейхов и мулл. Необходимо дать землю и уничтожить связь ее с шейхами и муллами, ибо тогда можно умирать за революцию, когда знаешь, что дала тебе революция. Если в данный момент чеченцы не знали, за что надо умирать, то потому, что они не получили ни клочка земли, что влияние шейхов и мулл связывает всю Чечню.

Несмотря на столь сложную и тяжелую обстановку, Терский народный совет все же предпринял шаги к организации промышленности.

Советская власть в Пятигорске пала 19-го января 1919 года, в Грозном 4-го февраля и во Владикавказе 11 февраля 1919 года под напором Добровольческой армии, просуществовав, таким образом, более 11 месяцев. За это время в процессе гражданской войны произошла перегруппировка сил в соответствии с постановкой аграрного и национального вопросов. Горское крестьянство поняло, что лишь в союзе с рабочими, через советскую власть лежит путь к национальному освобождению и разрешению земельного вопроса.

В этот период советская власть могла лишь поставить аграрный и национальный вопросы, но не разрешить их. Из соотношения классовых сил внутри Северного Кавказа не вытекало неизбежности поражения советской власти. Хотя середняцкое казачество в известной части к концу этого периода и перешло от благожелательного нейтралитета к активной борьбе против советской власти,— пролетариат приобрел себе верных союзников в лице беднейшего крестьянства, основной массы иногороднего населения, казачьей и горской бедноты. Но темные пастухи карачаевцы пополняли „волчьи" сотни Шкуро, а обманутые черкесы — белогвардейские отряды Султан Келеч Гирея.

Соотношение сил на Северном Кавказе к весне 1918 года, несмотря на вспышки контрреволюционных восстаний, далеко еще не предрешало исхода борьбы в пользу контрреволюции. Местная, так сказать, контрреволюция, несмотря на партизанщину и неорганизованность советской власти, всюду была подавлена, и нет сомнения в том, что советская власть вышла бы победительницей из этой борьбы.

Решающим фактором, перевесившим чашу весов в сторону контрреволюции, в этот период явилось наступление германо-турецкого империализма, породившего на Дону второе издание гетмана Скоропадского, в лице атамана Краснова, а в Дагестане, так называемое, Горское правительство, во главе с Пшемахо Коцевым.

Добровольческая армия, сначала под командой ген. Корнилова, а после его гибели у Екатеринодара, под начальством ген. Деникина, до продвижения немцев на Дон блуждала по степям Дона, Кубани и Ставрополья без определенной цели. И лишь наступление немцев на Дон погнало Добровольческую армию с Кубани к границам Донской области.

Появились два важнейших фактора, на которые надеялся основатель Добровольческой армии ген. Алексеев, предполагая превратить казачьи области в базу для наступления на Советскую республику: восстание обманутого казачества и заслон со стороны Советской России, созданный германской армией.

Добровольческая армия вооружалась за счет германского командования, получая из немецких складов, при посредстве гетмана Скоропадского и атамана Краснова, патроны и снаряжение, в которых Добровольческая армия очень нуждалась.

Красные партизанские отряды, страдавшие всеми недостатками партизанщины, несмотря на всю революционность, не могли выдержать натиска регулярной немецкой армии. 13-го марта пала Одесса, 7 апреля Харьков. С падением Полтавы, Харькова и Екатеринослава, немцы пробили путь в Донецкий бассейн, занятие которого имело для них большое значение, так как до этого времени южные дороги снабжались углем из Германии.

4-го мая главнокомандующий украинским фронтом Антонов-Овсеенко сложил командование и издал приказ об отходе на территорию РСФСР. 3-го мая немцы заняли Таганрог. Донской Совнарком тогда же вошел с немцами в переговоры, но немцы потребовали, чтобы Ростов был очищен к 6-му мая.

Донская советская республика пала под натиском германских штыков и восставшей кулацко-зажиточной части казачества, которой удалось повести за собой казаков-середняков и даже бедноту. Несколько десятков тысяч плохо организованных партизанских отрядов не могли устоять перед германской армией, несмотря на свою революционную закалку.

Донская контрреволюция переплелась с немецким наступлением. Когда 9-го мая 1918 года тов. Щаденко и Ворошилов приступили к ликвидации восстания в районе ст. Гундоровской, ка-

заки призвали на помощь немцев и отбросили красногвардейские отряды. Немцы зверски расправлялись с рабочими. Захватив Зверево, Александро-Грушевск, Сулин, немцы уничтожили здесь до 3-х тысяч человек шахтеров.

Вот что говорят об обстановке Венцов и Бельский:

> „Обстановка, в которой пришлось отступать эшелонам Ворошилова, не поддается описанию. Одна за другой восставали станицы и обрушивались на наши истомленные части, взрывали не только жел.-дор. мосты, но и полотно железной дороги. Нужны были нечеловеческие усилия, чтобы преодолеть клокотавшую стихию восставшего казацкого кулачества. Нужно было иметь глубокую веру в торжество своего дела, чтобы в такой обстановке не только героически сопротивляться и переносить тяжелые лишения, но и для того, чтобы найти силы для организационно-творческой работы. В эти моменты полного окружения выковывалась боевая спайка, все больше закалялась воля к победе. У станции Чир восставшие казаки, под командой Мамонтова, окружают эшелоны Ворошилова и взрывают мост через реку Дон. Оставалось либо сдаться казакам, либо починить мост и тем временем обороняться. Было принято последнее решение. Эшелоны были окружены кольцом окопов. Части под руководством т. Рухимовича строили мост через реку Дон. Пока Ворошилов строил мост через реку Дон, Щаденко вел упорные бои у станицы Морозовской. Здесь он переорганизовал свои крестьянские части и создал кадры Донецко-Морозовской дивизии. Впоследствии эта дивизия вошла в состав 10-й армии в качестве 38-й стрелковой пехотной дивизии. У станицы Обливской кадачьи части генерала Фецхелаурова атакуют Щаденко, но неудачно. Тогда они снова призывают немецкие части на помощь, и под давлением последних Щаденко отходит на соединение с отрядами Ворошилова и вместе с ним в Царицин, где закладывает основы 10-й Красной армии“.

Под охраной германских штыков в Новочеркасске был созван из представителей ближайших станиц „Круг спасения Дона“, избравший Краснова атаманом „Всевеликого войска Донского“.

Несмотря на недостаточную организованность, Красная армия, подкрепленная украинскими частями, 18-го июня пыталась перейти под Батайском в наступление, но потерпела поражение. Начались мирные переговоры с немцами, во время которых немцы поставили условием переговоров прекращение враждебных действий и нейтрализацию Азова.

Наряду с Батайским фронтом против немцев существовал еще и Таманский фронт. В июне под Таманью высадился из Керчи 58-й Берлинский полк, занявший станицы Таманскую, Фонталовскую, Ахтанизовскую, Титовскую и Стеблиевскую. Впрочем, здесь немцы не столько помогали казачеству, сколько вывозили хлеб, но само по себе присутствие германских войск ободряло контрреволюционное казачество и морально их поддерживало.

Таким образом, и на Кубани кулацкое восстание опиралось на германские штыки. Одновременнно с этим, Красная гвардия Сочи в период май-июнь ведет борьбу с наступающими по Черноморскому побережью грузинскими войсками, занявшими Сочи 15-го июля 1918 года.

Однако, главной силой контрреволюции на Кубани явилась Добровольческая армия, распространившая сначала свое влияние

на весь Северный Кавказ, а затем, после отступления немцев, на весь юг России.

В конце мая и начале июня 1918 года Добровольческая армия насчитывала в своих рядах 10.000 человек, из них 6.000 пехоты и 3.000 кавалерии. К 20-му июня (ст. ст.) силы Добровольческой армии увеличились до 20.000 человек. До получения патронов от германского командования и восстания казачества положение Добровольческой армии было далеко не блестяще: не было ни патронов, ни „сочувствия населения“.

Так против пролетарской революции вырос на Северном Кавказе единый фронт германо-турецкого и англо-французского империализма, с отечественными контрреволюционерами, от эсеров-учредиловцев (Моздокское правительство на Тереке), кулаков — федералистов (Кубанская рада, Донской круг), „кадетов“ (Добровольческая армия) и казачьего дворянства (Краснов).

Что же мог противопоставить Северный Кавказ контрреволюции?

В то время, как в рядах белогвардейцев стояли старые руководители царской армии — опытные организаторы и стратеги, а казачество представляло собой подготовленные, в военном отношении, кадры, — красные отряды представляли собой разрозненную партизанскую рать, плохо дисциплинированную, лишенную опытного командного состава.

„Эти отряды — говорит в воспоминаниях тов. Батурин,— представляли собой мало дисциплинированные с военной точки массы в том отношении, что они представляли собой временные об'единения. Поднимается станица, берет красное знамя и выгоняет контрреволюционную банду, которая наступала на эту станицу, в чаянии, что старое казачество, кулацкое казачество, примкнет к ним и будет выгонять иногородних и большевиков. Отразили это наступление и утомленные предыдущей войной эти люди, имеющие хотя бы маленькое хозяйство, чтобы не потерять последний кусок, опять возвращаются к своему хозяйству. Были такие случаи, что отряд, сделавший свое дело — отразивший контрреволюционную банду от какой-нибудь станицы, нужно было перебросить на другую территорию, и он отказывался итти туда, говоря, что мы свое дело сделали и теперь расходимся, а когда на нас будут наступать, мы соберемся, возьмем винтовки и опять отразим то нападение, которое будет на нас со стороны контрреволюции“.

По словам т. Ковтюха: „Командование как первыми революционными ячейками, так и сведенными отрядами, принимали на себя люди или с ограниченными военными знаниями, или совершенно не военные и в военном деле ничего не понимающие“.

В этом — сила и слабость отрядов. Сила в том, что они выдвинули вождей из масс (Буденный, Ковтюх и многие другие), а слабость — в недостатке дисциплины и организованности,

Белые, правда, с большим напряжением, все же порознь расправлялись с разрозненными отрядами.

Партия прилагала героические усилия к тому, чтобы сколотить, из этой разрозненной партизанской рати боеспособную армию, и с этой целью был создан первоначально Чрезвычайный штаб обороны, а затем после организации Северо-Кавказской советской республики, 10 июля Военный комиссариат Кубано-Черноморской советской республики слился с Военным комиссариатом Северо-Кавказской советской республики.

Между тем Добровольческая армия продолжала наступление и 18-го июля захватила ст. Тихорецкую — ключ к Кубани. Занятие добровольцами ст. Тихорецкой, отрезало Кубань от Царицына, где находилась база, и угрожало Екатеринодару и Батайскому фронту. 16 августа белые заняли Екатеринодар, и советские войска отступили за Кубань.

В этот период из разрозненных партизанских отрядов возникла XI (Северо-Кавказская) армия, об'единившая рабочих, бедняцко-середняцкие массы крестьянства, горских крестьян и трудовое казачество против мировых империалистов, помещиков и буржуазии, опиравшихся на кулацкие восстания и эсеровско-меньшевистское предательство.

В задачу XI армии входило соединение с X армией, находившейся в районе Маныча, и с XII—в Терской области. XI армия была образована 4 октября из Сев.-Кавказской армии. Армия представляла из себя плохо организованную массу, численность которой точно даже не была известна, как и линия фронта. Она состояла из партизан, плохо поддающихся дисциплине. Мелкобуржуазная стихия являлась благоприятной почвой для авантюр и контрреволюционных заговоров. Одной из таких авантюр являлась попытка главкома Сорокина захватить власть. 28 октября 1918 г. он арестовал членов ЦИК Северо-Кавказской республики: Рубина, Крайнего, Дунаевского, Власова и по его приказу они были расстреляны под Машуком. Созванный партийными работниками 2 ноября в Невинномысской II Северо-Кавказский с'езд советов об'явил Сорокина вне закона. Сорокин пытался скрыться, но был арестован в Ставрополе и убит одним из красных командиров.

Вследствие неудачных операций под Ставрополем, недостатка патронов и снарядов (база находилась в Царицыне), измены главкома Сорокина и, наконец, тифа — армия таяла и теряла свою боеспособность.

На помощь XI армии был брошен Ленинский полк XII армии, но он был разбит у ст. Мекенской 4 февраля (н. ст.). Реввоенсовет XI армии, выяснив, что XII армия не может придти на помощь, дал приказ об отступлении на Астрахань. За армией отступало 60 тысяч беженцев. 19 января (н. ст.) 1919 г. Пятигорск был эвакуирован, а 20-го город заняли белые. Отступление через Астраханские степи остатков XI армии является одной из трагических страниц борьбы на Северном Кавказе. Но все же удалось спасти

значительную часть армии, 80 орудий, 300 пулеметов и огромное количество винтовок.

В этой героической борьбе особенно отличалась Таманская армия, отрезанная белыми на Таманском полуострове и с боем в невероятно тяжелых условиях пробившая себе дорогу.

В процессе этой борьбы возникла 1-я Конная армия, представляющая собой олицетворение боевого союза рабочего класса с бедняцко-середняцкой массой крестьянства и казачества. В основу 1-й Конной армии легли, с одной стороны, партизанские отряды, стихийно возникшие в Сальских степях и Ставропольской губернии, организаторами которых являлся С. М. Буденный и многие другие безвестные герои. Она созрела из крестьянских отрядов, первоначально насчитывавших в своих рядах 100—150 бойцов, боровшихся с Добровольческой армией и контрреволюционными отрядами Гнилорыбова, Семилетова и других. С другой стороны, основание 1-й Конной армии было положено на рудниках Донецкого бассейна, наиболее революционного и организованного оплота пролетарской революции, где, под руководством К. Е. Ворошилова, возникла Красная гвардия. 1-я Конная армия образовалась из слияния крестьянско-казачьих партизанских отрядов и рабочей Красной гвардии Донецкого бассейна, составлявшей основные кадры армии, отступавшей под натиском германских войск и донского кулачества через Дон к Сталинграду. Войдя впоследствии в состав X армии, крестьянско-казачьи партизанские отряды Сальских степей и Ставрополья и рабочая Красная гвардия Донецкого бассейна выросли в полки, бригады, конный корпус и, наконец, при непосредственном участии т. Сталина, в 1-ю Конную армию, во главе с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным (17 ноября 1919 г.). Так, массовое крестьянское движение, будучи оформлено и сцементировано пролетариатом, под руководством коммунистической партии, превратилось из разрозненных отрядов в героическую 1-ю Конную, спаянную железной дисциплиной.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И БОРЬБА С НЕЙ.

Власть белых на Северном Кавказе охватывает период с 5-го мая 1918 г., когда Ростов был занят отрядом ген. Потапова, до 8-го января 1920 г., когда Ростов заняла конница Буденного. Волна контрреволюции двигалась на Северном Кавказе с севера на юг: Екатеринодар был занят Эрдели 16 марта, Новороссийск 26 августа, Ставрополь (окончательно) 15 ноября, Пятигорск 19 января 1919 года, Грозный 4 февраля того же года, а Владикавказ 11 февраля, к Дагестану же Добровольческая армия подошла лишь к 1-му июня 1919 г.

Следовательно, почти год понадобился Добровольческой армии на то, чтобы разбить упорное сопротивление XI и XII армий. В то время, как Краснов на севере, собрав почти 100.000 армию, надвигался на Советскую Россию, на Тереке в

горах Чечни и Дагестана, Добровольческой армии приходилось преодолевать сопротивление распылившихся красноармейских отрядов и горцев, с героизмом отчаянья защищавших каждую пядь земли.

Дольше всего продолжалась власть белых на Дону и на Кубани—19 месяцев и меньше всего на Тереке — 12 месяцев.

Решающее значение для торжества контрреволюции на Северном Кавказе имела германская оккупация. Во-первых, продвижение германской армии на Дон прямо и непосредственно решило здесь борьбу в пользу контрреволюции; во-вторых, преследуя свои цели, германское командование об'ективно содействовало осуществлению планов ген. Алексеева, создав из германских штыков завесу, отделившую казачьи области от России и тем самым дав возможность вырасти Добровольческой армии и физически и политически до весьма внушительных размеров.

Северо-Кавказская реакция это — сумма нескольких слагаемых: германо-турецкого империализма, союзного империализма, кулацко - казачьей контрреволюции, меньшевистско - эсеровской контрреволюции, горской контрреволюции (буржуазно-националистической, феодальной, панисламистской) и, наконец, помещичье-буржуазного блока, представительницей которого являлась Добровольческая армия. Эти силы, различные по своему значению и целям, разновременно вступали в борьбу, сталкивались между собой, снова заключали союз, пока наконец, этот контрреволюционный конгломерат не рассыпался, с одной стороны, в силу внутренних противоречий, с другой — под ударами Красной армии. Процесс развала северо-кавказской контрреволюции — это действие вычитания.

Северо-кавказская контрреволюция делится на следующие периоды, из которых каждый представляет собой в известной мере законченное целое:

1. От занятия Ростова и создания „Всевеликого войска Донского", во главе с атаманом Красновым, до занятия Екатеринодара Добровольческой армией и Кубанской радой (5 мая 1918 г.— 16 августа 1918 г.) — эпоха своеобразного сочетания кулацко-дворянской казачьей контрреволюции с германским империализмом.

2. От занятия Екатеринодара Добровольческой армией и Кубанской радой до окончательной ликвидации на Северном Кавказе советской власти (16 августа 1918 г.— февраль 1919 г.). В этот период рядом с казачье-немецкой ориентацией Краснова, под прикрытием германских штыков, при прямой поддержке союзников, на Кубани вырастает Добровольческая армия, являющаяся орудием союзного империализма, а вместе с ней — Кубанская рада — носительница казачье-кулацкой демократии, т. е. демократии для казаков, а не для иногородних,— эпоха борьбы казачьего федерализма с лозунгом буржуазно-помещичьего блока восстановления „Единой, великой и неделимой".

3. Со времени очищения Северного Кавказа от советских войск и превращения Деникина в верховного главнокомандующего до распространения деникинщины на весь юг России и превращения Деникина в правителя (февраль 1919 г.— август примерно, того же года)— эпоха „деникинщины" и антантовского империализма, прикрывающегося лозунгом восстановления „Великой, единой и неделимой", и в то же время борьба между Англией и Францией, пытавшейся использовать в своих целях кулацко-казачий федерализм.

4. Со времени превращения Деникина в правителя юга России и расцвета буржуазно-помещичьей монархической реакции до окончательного развала деникинщины (примерно, сентябрь 1918 г.— январь-март 1920 г.). В этот период обнажаются противоречия, во-первых, между Англией и Францией, во-вторых, между буржуазно-помещичьим блоком и мелко буржуазной кулацко-казачьей контрреволюцией (при чем обманутая середняцкая масса казачества отходит от контрреволюционного блока).

Эти 4 периода охватывают весь цикл развития северо-кавказской контрреволюции, путь которой охраняли сначала германские штыки, а затем антантовские танки.

Красновщина—совершенно самостоятельная глава в истории северо-кавказской контрреволюции. Эта глава наиболее красноречиво показывает, как империалистическая война превращается в гражданскую войну. Что может быть показательней союза казачества — исконного защитника „веры, царя и отечества", монархического офицерства, наводнявшего армию Краснова, шедшего в бой под лозунгом воссоздания „Великой, единой и неделимой" (Дроздовская бригада) с армией Гинденбурга против „иногородней" России!

Тотчас же после падения советской власти на Дону в Новочеркасске собрался Круг спасения Дона, создавший Всевеликое войско Донское, во главе с атаманом Красновым. Но к этой власти рядовое казачество допущено не было. Из 359 делегатов Донского круга урядников было 28,3%, обер-офицеров 3,4%, генералов 3%, а всего военных 78,7%, нестроевых же лишь 21,3%. Краснов и немецкие войска рука об руку действовали против красных. Так, в 1918 году восстание в Богучарском уезде было подавлено Красновым при помощи немецких войск. Немцы вели с Красновым переговоры о ликвидации Батайского фронта, о взятии Царицына и даже признали необходимым соединить немецкие и донские силы под общим командованием.

Но совместными действиями против большевиков далеко не ограничивались планы немецкого командования. В планы немцев входило создание на Северном Кавказе самостоятельного государства под протекторатом Германии, и этот вопрос неоднократно поднимался Красновым. „Доно-Кавказский союз",— по проекту,— должен был состоять из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого войска Донского, Кубанского войска, Терского войска, Астраханского войска и Союза горцев Северного Кавказа и Да-

гестана, соединенных в одно государство на началах федерации. Само собой разумеется, что иногороднее население было совершенно устранено от власти.

Красновский фронт растянулся от Лисок до Царицына. Но против Краснова, собравшего почти 100-тысячную армию, советская Россия могла лишь выставить наспех сколоченные из партизанских отрядов красные части, которым было не под силу сдержать натиск красновской армии.

Но если германская оккупация решила исход гражданской войны на Северном Кавказе в пользу контрреволюции, то германская революция (8 ноября 1918 года), повлекшая за собой очищение немцами Дона и Украины, решила судьбу Краснова и всей северо-кавказской контрреволюции, опиравшихся на германские штыки. Красная армия начинает продвигаться вперед. 20 декабря 1918 года части генерала Гусельщикова заняли Борисоглебск, но при попытке дальнейшего наступления потерпели под Поворино поражение и стали отходить под ударами Уральской и 23 Мироновской дивизии. 13 января красными частями был занят центр Хоперского округа — ст. Урюпинская, и наступление красных частей не встречало сопротивления до самого Донца.

Параллельно с нашим наступлением происходило разложение красновских частей, усиливался антагонизм между офицерством и казачеством, которое вообще не было склонно переходить за границы Дона, зеленые отряды красновских дезертиров наводняли границы Дона. Начались стихийные восстания крестьянства.

Если север Дона был очищен от войск Краснова без особого сопротивления, то южные округа, (1 Донской, 2 Донской и Черкасский) оказали Красной армии упорное сопротивление. Все-же исход борьбы на красновском фронте в начале 1919 года явно склонялся на сторону Красной армии. 9 февраля Красная армия заняла Усть-Медведицкую и Усть-Хоперскую, 16—Миллерово, 24—Гнило-Аксайскую, 7 марта—Каменскую, 3 апреля—Великокняжескую, 14 апреля Красная армия находилась в 50 верстах от Новочеркасска, который был бомбардирован с аэропланов 23 апреля, а Красная конница подходила почти к Батайску.

Эпидемия тифа, погубившая нашу 11-ю армию, добивала армию Краснова.

Но в это время, в самый критический момент, когда наша армия подходила к Ростову и Новочеркасску, на смену германским империалистам приходит Антанта, заключающая союз с Добровольческой армией. В Николаеве и Херсоне высаживается греческая дивизия, в Одессе — французская, которая, впрочем, вскоре (апрель — май 1919 г.) была изгнана красными украинскими войсками. Преодолев, наконец, в феврале 1919 года сопротивление 11-й и 12-й армий и очистив, таким образом, весь Северный Кавказ от красных войск, Деникин по соглашению Донского круга с кубанской радой назначается верховным главнокомандующим всеми силами Южной России.

Кубанская контрреволюция слагалась из трех сил: казачьих верхов, во главе с Кубанской радой, черносотенного офицерства и черкесских феодалов-помещиков. Однако, реальная сила была в руках Добровольческой армии, которой были подчинены все части кубанцев.

После занятия Екатеринодара у власти формально стала Краевая законодательная рада. По положению о выборах в Кубанскую краевую раду, опубликованному 20 августа 1919 года, „правом участия в выборах... пользуются лица мужского пола, принадлежащие или к казачьему населению Кубанского края, или к кубанским горским племенам, или к составу коренных жителей кубанских сельских общих и крестьянских земельных товариществ". Относительно представительства городов положение умалчивало („будет издано особо"). Таким образом, масса иногороднего населения была лишена прав, восстанавливалось дореволюционное положение. От 52% иногороднего населения Кубанской области в Краевой раде было лишь 8 чел., т. е. 10% всего количества Рады (80 человек), но зато в состав Рады были введены представители Добровольческой армии.

В одном из заседаний Рады председатель правительства Л. Л. Быч заявил, что „из 3 млн. населения Кубанского края почти половина против нас, т. е. все иногороднее население".

Вместе с Кубанской радой в Екатеринодаре обосновалась и Добровольческая армия. При Деникине был создан законосовещательный орган под ничего незначащим названием „Особое совещание", под председательством генерала Драгомирова.

Особое совещание, рассматривавшее себя впоследствии в качестве всероссийской власти, являлось выразителем интересов буржуазно-помещичьего блока—„Национальный центр",—в котором первую скрипку играли кадеты.

Само собой разумеется, пути мелко-буржуазных федералистов из Рады и буржуазно-помещичьей Добровольческой армии, составлявшей нераздельное целое с Особым совещанием, неизбежно должны были разойтись после ликвидации на Северном Кавказе советской власти. Борьба за власть мелко-буржуазных федералистов и буржуазно-помещичьего блока продолжалась до тех пор, пока Деникин и Кубанская рада не были выброшены за пределы уже советского Северного Кавказа.

Первое разногласие произошло по вопросу о создании власти. Покончив с большевистской опасностью, Добровольческая армия принялась за ликвидацию казачьей опасности.

Не в пример Краснову, который сколачивал по поручению Германии „Доно-Кавказский союз", Деникин верой и правдой служил союзному империализму. В предвидении близких переговоров о перемирии, представителю Добровольческой армии при союзных посольствах предложено было еще 12 октября предъявить им следующие основания:

„Единство представительства России на мирной конференции, с исключением из него делегатов большевистских и тех территориальных

образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии, т. е. по вопросу о единой, неделимой России".

В противовес проекту Деникина, Кубанская рада устами Л. Л. Быча заявила, что: „единственный путь к воссозданию разрушенного государства Российского есть путь федерации".

Но союзники вели игру краплеными картами. Толкая Деникина на Воронеж, англичане приняли на себя миссию „спасения Кавказа". От „Единой, неделимой" англичане пытались отделить то, что им больше всего было нужно: нефть. В своих показаниях на суде Савинков говорил „Очень упорно, очень много говорили англичане со мной о том, что желательно образовать независимый Юго-Восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должны об'единиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти". И действительно, когда Эрдели в феврале 1919 г. достиг Баку, англичане его просто оттуда выгнали.

Преодолев сопротивление горской бедноты, Добровольческая армия натолкнулась на Тереке и в Дагестане на препятствие в лице Горского правительства, во главе с Пшемахо Коцевым.

Дагестан явился пределом, дальше которого англичане Деникина не пускали. В Азербайджане английские интервенты обосновались с 17 ноября 1918 года и покинули Закавказье лишь в сентябре 1919 года. Грузия, Армения и Азербайджан находились под покровительством „его величества короля Англии", точно так же, как и бакинская нефть. В 1919 году из Баку вывезено 20,6 млн. пудов нефти, тогда как до этого времени через Баку вывозилось от 3 до 6 млн. пудов. Добровольцы пытались было продвинуться по Черноморскому побережью дальше, но начавшимися в районе Гагр боями между Добровольческой армией и грузинскими войсками были приостановлены, и по договору Грузии с Деникиным граница была установлена в районе Адлера.

Если Англии была нужна нефть, то Франции—уголь. Англия и Франция поделили между собой сферы влияния на Северном Кавказе: граница проходила по линии Константинополь—Керчь—Ростов — р. Дон к востоку — сфера влияния Англии, к западу — Франции. Но ведь в северо-кавказскую нефть были вложены и французские капиталы, поэтому между „союзниками" в течение всего времени владычества белых происходили трения.

1919 год на Северном Кавказе проходит под знаком деникинщины.

Мелко-буржуазные демократы, послужившие мостом, по которому прошла диктатура Деникина, были отброшены от власти. Эпоха диктатуры Деникина продолжалась с февраля 1919 года, когда он превратился, из командующего Добровольческой армией в верховного главнокомандующего вооруженными силами юга России, затем правителя юга России и, наконец, после падения Колчака — верховного правителя, до сентября 1919 года, когда деникинщина достигла своего предела, когда одновременно развалились и тыл и фронт. С середины апреля 1919 г. Деникин, отра-

зив удары нашей Красной конницы, ведет наступление на Царицын, Донбасс. 15 июня войска Деникина находились в 5 верстах от Царицына, 21 он занимает Феодосию, Павлоград, 24—Белгород, 26—Харьков, 3 июля—Богодухов и Балашев (занятые нами снова 7 июля), 4—Борисоглебск, несколько раз переходивший из рук в руки, 31—Полтаву, 18 августа—Херсон, Николаев, Воронеж, 21—Житомир, 23 Одессу, 31—Киев.

В общем к октябрю 1919 года Деникин как-будто выбирался на „исторические пути" к Москве, но „путь от Орла до Новороссийска оказался для деникинской армии много короче, чем путь от Кубани к Орлу".

В этот период буржуазно-помещичья монархическая реакция развернулась во весь свой рост. Прежде всего, Деникин даже территориально отделился от Кубанской рады, с которой он был связан, правда, формальным соглашением и совместной борьбой с советской властью. Его штаб переехал в Таганрог, а Особое совещание в Ростов. С переходом границ казачьих областей, деникинщина приобрела опору в более мощной буржуазии юга России и помещиках Украины и Таврии.

Деникин на всем скаку пересел с одного коня на другого: с казачества Северного Кавказа и Дона на помещиков и буржуазию юга России.

Началась реставрация дореволюционной России. „Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего вооруженными силами на юге России", устанавливает структуру власти, ничем не отличающуюся от царской России.

Югом России во времена деникинщины управлял 221 царский чиновник: сенаторов 8 чел., генералов 18 чел., действ. статских советников 50 чел., статских советников 22 чел., предводителей дворянства 49 чел., бывших председателей и членов цензовых земских управ дореволюционного времени 74 чел.

Среди этих чиновников мы видим имена царского министра Кривошеина (начальник управления земледелия Особого совещания), действительного статского советника Лопухина, Драгомирова, Шульгина и пр. Деникин собирал обломки царской России и из этих обломков пытался построить копию России эпохи дома Романовых.

Деникин являлся по существу лишь приказчиком нефтяных королей, точно так же, как грузинские меньшевики были приказчиками марганцевых баронов. Вот мелкий, но очень показательный факт: сочинская белогвардейская газета „Родное слово" 1 ноября 1919 г. № 220, посвящая статью описанию вручения в Царицыне главой английской миссии ген. Хольденом ордена барону Врангелю, приводит следующие слова Хольдена: „Приходится очень сожалеть, что расстояние мешает его величеству лично наградить вас за службу и исключительную стойкость в борьбе с нашим общим врагом—большевиками".

Большевики волей исторических судеб были вдвойне врагами английских империалистов: во-первых, потому, что большевики есть большевики, во-вторых, потому, что советская власть стала поперек дороги на пути Англии к господству на нефтяном рынке.

Чем ярче вырисовывалось лицо помещичье-дворянской реакции, тем далее казачество отходило от Деникина. Во главе казачьей оппозиции стояла Кубанская рада.

Кулацкая часть казачества, ведя за собой основную массу казаков, упорно стремилась итти по „своему" пути. „Декларация Кубанского краевого правительства", оглашенная в Законодательной раде 29 января 1919 г. (ст. ст.) гласит:

> „Для успеха борьбы, а равно и в интересах правительства внутренней жизни, необходимо... об'единение всех действующих в одном направлении сил. Такими силами являются те части России, которые освобождены от советской власти и ведут с ней решительную борьбу. Мы не можем окончательно предрешить теперь формы будущего воссоединения разобщенных частей России. Этот вопрос будет призвано разрешить лишь Всероссийское учредительное собрание нового призыва. Но мы признаем жизненным и целесообразным принцип федерации... И в первую очередь должны об'единиться в прочный государственный союз казачьи земли: Кубань, Дон, Терек. Их интересы тождественны, их социальный строй однороден и на пути к их об'единению нет никаких препятствий".

В июне 1919 года в Ростове и Новочеркасске состоялись казачьи конференции по созданию Южно-Русского союза. Между Доном, Кубанью и Тереком был заключен договор, по которому государственное образование Дона, Кубани и Терека составляет политический и экономический союз.

Этот союз был оформлен договором, не без участия Франции, подписанным в Париже, с Горским правительством. В ответ на этот смелый шаг кубанских федералистов-республиканцев Деникин предал участников его военно-полевому суду: часть была выслана, а один из членов парижской делегации—Калабухов был повешен на площади в Екатеринодаре.

Федеративным устройством кулацкая часть казачества стремилась узаконить свою обособленность. Отгородившись от русского крестьянства, кулачество готово было бросить кость иногородним за счет помещичьего землевладения. Но лишь когда (8 января 1920 г.) конница Буденного ворвалась в Ростов и „союзники", в предчувствии падения Деникина, признали 10 января независимость Грузии и Азербайджана, то 16 января Деникин на заседании Верховного круга пытается достигнуть соглашения с казачеством, обещая „широкую автономию казачьих войск".

Когда выявилось лицо помещичье - генеральской диктатуры, мелко-буржуазная стихия, которая помогла Деникину превратиться в диктатора Юга России, обратилась против него. Взаимоотношения Деникина с казачеством можно назвать лишь дружбой поневоле. Борьба Деникина с Кубанской радой продолжалась все время и закончилась лишь в тот момент, когда и Деникин

и Кубанская рада были выброшены Красной армией из пределов России.

Деникинщина — это сложный клубок сталкивающихся друг с другом классовых интересов. Кулацкое казачество искало спасения от пролетарской революции в федерации, которая импонировала казачьей массе, буржуазно-помещичья реакция—в реставрации „Единой неделимой", социал-соглашатели—в куцой „демократии". Но за спиной отечественной контрреволюции стоял Черчиль, который имел полное право заявить об армии Деникина: „Вот это моя армия".

Борьба за освобождение Северного Кавказа велась не только извне со стороны Красной армии, но и изнутри. Гражданская война на Северном Кавказе не затихала в течение всего периода деникинщины. На месте частью уничтоженных, частью вытесненных из пределов Северного Кавказа 11-й и 12-й армий, крестьянских войск Ставрополья, красногвардейских отрядов и отрядов керменистов и горцев выросли новые партизанские отряды.

В этой борьбе революционным до конца классом являлся пролетариат и его партия. Но пролетариат был авангардом и организующей силой в общей борьбе трудящихся Северного Кавказа за своеосвобождение.

Пробным камнем для Деникина являлись на Северном Кавказе национальный и аграрный вопросы в его специфической постановке в казачьих областях. Политика царских бюрократов, черносотенного офицерства, „помещичьего шарабана" и крупной буржуазии, нашедшая в Деникине своего вождя, восстановила против деникинщины не только крестьянство и горскую бедноту, но также казачество и националистически настроенную горскую буржуазию. Таким образом, наряду с борьбой рабочего класса и крестьянства, на Северном Кавказе мы встречаемся с восстанием казачества, которое за счет помещиков (в том числе и казачьих) пыталось откупиться от иногородних. С новой силой в эпоху деникинщины на Кавказе разгорается борьба за национальное освобождение, и—показательно — именно в период деникинщины шейх Узун-Хаджи в Чечне, создавая шариатскую монархию под зеленым знаменем Магомета, пытается копировать своего великого предшественника—Шамиля.

Борьба горцев не затихала до конца белогвардейщины. Начало белогвардейщины ознаменовалось посылкой в горы карательных отрядов и местью горской бедноте со стороны князей и дворянства.

В Кабарде князь Серебряков и „правитель Кабарды" князь Бекович-Черкесский огнем и мечом мстили кабардинскому и балкарскому крестьянству. В Осетии свирепствовали карательные отряды полковника Икаева, Дорофеева, генерала Вадбольского и „правителя" Осетии полковника Хабаева. В Дигории было разрушено до основания селение Христиановское, все имущество и скот были разграблены казачьими и кабардинскими отрядами.

Здесь погиб член ЦК партии „Кермен“ Георгий Цаголов. В Ингушетии были сожжены карательными отрядами до тла аулы Сурхохи и Экажево за отказ от мобилизации против красных войск. В Чечне было сожжено 22 аула. Чечня героически защищалась от добровольческого нашествия. Чечня являлась непотухающим революционным вулканом. Борьба Чечни против белых полна героическими эпизодами.

Белый террор не мог уничтожить революционного движения, он лишь загнал революцию в подполье. Но ни деникинская контрразведка, ни расстрелы и пытки, ни шомпола и виселицы не могли остановить работу большевиков.

Под угрозой виселиц и пыток, теряя лучших товарищей, партия собирала и организовывала трудящихся Северного Кавказа для последней борьбы.

Очагами партизанского движения на Северном Кавказе являлись границы Азербайджана (Дагестан, Чечня) и Грузии (Черноморское побережье). Если Деникин вспахал почву для восстания горцев Дагестана и Чечни и черноморских крестьян, то Муссаватистское правительство беков и ханов Азербайджана и меньшевистская Грузия попытались использовать партизанское движение горцев и черноморских крестьян в своих целях. Сначала против Деникина, поскольку он угрожал Азербайджану и Грузии, а затем — против советской власти, в целях создания „буферных“ государств. Перед партией стояла чрезвычайно сложная задача: отвоевать горскую бедноту и черноморское крестьянство, превратить борьбу против Деникина в борьбу за советскую власть. И эту задачу партийным организациям того времени удалось разрешить.

Центром революционного движения Дагестана являлся Кавказский краевой комитет в Тифлисе и „Горское совещание“ в Баку, фактически лишь помогавшее бежавшим из Дагестана партизанам, руководителем которого одно время был Султан Казбеков, расстрелянный впоследствии в с. Леваши (Даргинского округа) в Дагестане. Борьбой руководил Совет обороны, организованный в октябре 1919 года.

Совету обороны, несмотря на то, что большинство Совета составляли коммунисты, приходилось итти на уступки религиозному фанатизму масс: так, почетным председателем Совета были шейх Али Акушинский и Узун-Хаджи. Аскеры (солдаты) Народной армии Совета обороны Северного Кавказа приносили следующую клятву:

— Я, аскер Народной армии Совета обороны Северного Кавказа, клянусь священным кораном защищать шариат, свободу и независимость трудовых народов Северного Кавказа, избранный верховный орган власти — Совет обороны...

В Чечне борьба горцев с белогвардейцами протекала вначале под зеленым знаменем Магомета. Турецкие агенты разжигали религиозный фанатизм, шейхи и муллы мечтали о калифате. Цен-

тром этого движения, во главе которого стоял шейх Узун-Хаджи, была слобода Ведено.

С именем Узун-Хаджи связано образование шариатской монархии „Северо-Кавказского эмирства“ под протекторатом „Его Величества Магомета Бахидина 1-го“. Приводим из официального документа обоснование этой монархии:

„Итак, с божьей волей будем добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республика не может существовать на том основании, что признанием республики мы бы не признали Халифа, что значит отрицание пророка Магомета, отрицание последнего — это значит отрицание бога“.

Узун-Хаджи удалось собрать значительный отряд, и он успешно боролся с белыми. 29-го августа, в бою под слободою Воздвиженской, он разбил белых и повесил всех пленных офицеров.

Наряду с „мюридами Магомета“, в Чечне вели борьбу и „мюриды революции“. В слободе Шатой боролась с Добровольческой армией небольшая группа чеченцев-коммунистов, но вождь их — Аслан-Бек Шерипов был убит в бою под слободой Воздвиженской 29 августа 1919 года.

Впоследствии центр тяжести борьбы горцев против добровольцев переместился в слободу Воздвиженскую, где с горстью партизан героически боролся т. Гикало.

Здесь, в Чечне, в слободе Воздвиженской, наряду с опереточным эмирством Узун-Хаджи, выросла из отряда т. Гикало грозная революционная сила.

Свою революционную борьбу отряд гикаловцев начал с одной горной пушкой — „сискал-карабином“ (кукурузный чурек), которая сейчас стоит на Гикаловской площади в г. Грозном.

Вначале отряд т. Гикало насчитывал в своих рядах 60 чел. при 13 винтовках и 2 пулеметах, и отряд кабардинцев, при 2 орудиях и 2 пулеметах. Затем отряд возрос до 200 человек, а в начале 1920 г. — до 800 штыков, 35 конных и 12 пулеметов. В отряд т. Гикало шли красноармейцы, сюда стекались чеченцы и кабардинцы, спасаясь от преследований карательных отрядов и мести горских помещиков, а также рабочие из Грозного.

Гикаловцы вели неустанную борьбу с добровольческой армией.

В декабре 1919 г., получив сообщение из грозненской тюрьмы, где к тому времени было до 600 арестованных, что там готовятся массовые расстрелы, т. Гикало напал со своим отрядом на Грозный и освободил тюрьму. Однако, благодаря предательству, восстание не удалось. Главной массе освобожденных из тюрьмы удалось скрыться, но с пойманными белогвардейцы зверски расправились. Вот что пишет в своих воспоминаниях разведчик отряда т. Гикало—Никита Лукьянов-Никитин, посланный в город разузнать, что там делается (приводим с сохранением орфографии):

„Я отправился счасже к т. Гикале Воздвиженку. Гикало мне дал наказ: Поезжай в город и узнай, что там делается. Я приехал ночью в

город видел чюзнаю картину. Кто был привязан за шею, кто был прибитые гвоздями на телефонных столбах, а кто висел кверху ногами. Я ужахнулся. Я сполнил свое дело...“

Отряд т. Гикало установил связь с Дагестаном, с Кавказским краевым комитетом и XI-й армией, от которой позднее получал денежную поддержку.

В начале 1920 г. организуется Штаб Терской группы Красных повстанческих войск, которому подчинялись боровшиеся в Терской области отряды.

Штаб пользовался большим доверием среди чеченцев. В отряде имелась коммунистическая организация и велась политическая работа. В Кабарде, Ингушетии и Осетии были созданы подчиненные Штабу ревкомы.

В Осетии в центре революционного движения с марта 1919 г. стал Окружной комитет РКП, бывший ЦК партии „Кермен“ в с. Христиановском и Ревком. Во Владикавказе в это время сосредоточились добровольческие части, во главе с генералом Эрдели, готовясь к отступлению в Грузию по Военно-Грузинской дороге. По плану керменистов против Добровольческой армии должны были выступить все горские народы. С этой целью из с. Христиановского во Владикавказ и в Нальчик были отправлены отряды керменистов. 4 марта в Алагирском ущелье отрядом при полном сочувствии горцев была провозглашена советская власть. На взятой с бою Мизурской фабрике был создан Революционный совет. Заняв Алагир, Ардон, Арховку, отряд двинулся во Владикавказ, вступив туда 22-го марта, на один день позднее отряда тов. Гикало.

Двинутый в Кабарду отряд керменистов, к которому примкнула кабардинская беднота, 20 марта занял центр Кабарды—Нальчик, где был создан Кабардинский ревком. К другой группе кабардинцев, направившейся на освобождение Кабарды из Тифлиса (через Азербайджан, Дагестан, Чечню и Ингушетию), примкнули кабардинцы, бывшие в дагестанских повстанческих войсках, а также из отряда тов. Гикало.

Особого внимания заслуживает партизанское движение черноморских крестьян, получивших название „красно-зеленых“. „Красно-зеленые“ сыграли немаловажную роль в борьбе за освобождение Кубани и Черноморья от деникинщины. „Зеленая армия“ все время тревожила тыл белых, создавая постоянную угрозу их непрочному владычеству, и помогла Красной армии добить отступающего противника.

По свидетельству участников, основные кадры „зеленой армии“ составляли черноморские крестьяне, уклонявшиеся от мобилизации, между прочим, тех селений, из которых были высланы в Сибирь после восстания 1905 г. Были там и красноармейцы, оставшиеся в горах, а также рабочие Новороссийска и Краснодара.

Деникин, захватив Царицын и Харьков, в конце 1919 года отдает приказ войскам итти на Москву.

В октябре он занимает Воронеж, Орел, Чернигов и Киев. К этому времени его армия состояла из 30.000 штыков, 30.000 сабель, 1.500 пулеметов и 400 орудий.

Но момент расцвета деникинщины был в то же время и началом ее конца. 14 октября инициатива переходит в наши руки. Разгром корпусом Буденного Шкуро и Мамонтова и захват Воронежа и Касторной заставили Добровольческую армию отступить. Красная армия преследует белых. 15 декабря Красная армия занимает Богучар, 30 — станицу Каменскую. Армия Деникина покатилась на юг. Разногласия между Деникиным и Кубанской Радой повлекли за собой уход с фронта кубанских частей. Под влиянием побед Красной армии и в силу целого ряда других причин, деникинский тыл начинает разлагаться. 7 января 1920 года Красная армия заняла Новочеркасск. 8 января 1920 года 1-я Конная, переброшенная с Донбасса и Азовского моря, заняла Ростов на Дону. Вместе с конницей Буденного здесь боролась и 13-я кубанская дивизия, под командой тов. Левандовского.

Одновременно с наступлением на Ростов развиваются операции и на Волге. После взятия Царицына, а затем Сарепты (8 января 1920 г.) ведутся операции по линии железной дороги — Царицын-Тихорецкая, 2-го марта Красная армия заняла Батайск под Ростовом, 9-го марта — Тихорецкую. Добровольческая армия бежала по трем направлениям: Екатеринодар-Новороссийск, Майкоп — Туапсе и по Владикавказской ж. д. в Терскую область. 17 марта 22 дивизия и конный корпус т. Жлобы заняли Екатеринодар, который стал Краснодаром. Белые в панике отступили в Новороссийск. В то время, как с одного конца города отступали белые, следом за ними с другого конца города входили красные части. 22-го марта Красная армия заняла Майкоп, а в ночь с 26-го на 27-ое марта — Новороссийск. Отступление Добровольческой армии носило характер панического бегства.

СОВЕТСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ.

После ликвидации контрреволюции партийное и советское строительство протекало первоначально в условиях непрекращающейся гражданской войны, принявшей формы бандитизма, а также экономического развала и голода.

В марте 1920 года на Северном Кавказе была восстановлена советская власть. Но контрреволюция не раз пыталась снова поднять голову. 14 августа 1920 года Врангель, принявший от Деникина командование Добровольческой армией, высадил десант на берегу Азовского моря, в районе Ахтари, южнее Ейска. 18 августа он занял узловую станцию Тимашевскую. Но население Кубани не оказало ему поддержки, на которую он рассчитывал, и после боев 27 августа белые стали отступать, а 5 сентября десант погрузился на суда. Подобные же высадки десанта были и на Черноморском побережье. Однако, эти попытки белогвардейщины не нашли в казачестве отклика. Впоследствии повстанческое

движение выродилось в уголовный бандитизм, утратив свой политический характер.

Трудящиеся Северного Кавказа, героически боровшиеся за советскую власть, получили, наконец, возможность приступить к мирному строительству.

Владычество царизма на Северном Кавказе было основано на экономическом порабощении и национальном угнетении горцев и вражде казачества и „иногородних", на плечи которых правительство всякими способами (посаженная плата, аренда и т. д.) перекладывало основную тяжесть расходов. Военная служба требовала огромных расходов от казачьего населения, масса которого буквально разорялась. Во время белогвардейщины казачье дворянство, горская знать и буржуазия, совместно с иногородней буржуазией, не раз пытались об'единить области нынешнего Северного Кавказа в „Доно-Кавказский союз" и „Юго-Восточный союз", но все эти попытки не увенчались успехом, потому что в основу об'единения была положена власть капитала, национальное угнетение горцев и порабощение значительной части иногороднего населения и, прежде всего, пролетариата. Лишь пролетариат мог об'единить трудящиеся массы народов Северного Кавказа, трудовое казачество, бывшее помещичье и „иногороднее" крестьянство под своим руководством и повести их в бой сначала против царизма, затем против союза буржуазии и помещиков и, наконец, вовлечь широчайшие массы бедняцкого и середняцкого крестьянства в строительство социализма и повести их в поход против остатков капитализма в деревне и городе за социалистическое переустройство края.

Северо-Кавказский край значительно больше остальных частей СССР пострадал в результате империалистической и гражданской борьбы, а неурожай 1921 года нанес страшный удар хозяйству Северного Кавказа. Поэтому на хозяйственном фронте здесь нужно было преодолевать исключительные трудности. Вплоть до 1923 года мы видим падение хозяйства и лишь с этого момента начинается под'ем.

До сих пор социально-экономические последствия неурожая 1921 г. еще недостаточно изучены. В результате неурожая посевная площадь по Северному Кавказу (без Дагестана) с 1920 года по 1922 год сократилась почти на 30%, количество лошадей на 33,6%, крупного рогатого скота на 18,8%, рабочих волов на 30,1%, коров на 18%, овец на 17,1% и свиней на 85,8%. Сократилось также число работающих предприятий и рабочих, закрылись металлургические заводы в Таганроге, Сулине и другие.

Ликвидация последствий неурожая потребовала со стороны государства и населения огромного напряжения. За время с 1921 г. по 1922 г. населению Северного Кавказа выдано в качестве ссуды более 6 млн. пудов семян, в 1923 г. посевная площадь по всему краю достигла уровня 1920 г. Однако, убыль скота, в особенности рабочего, далеко не возмещалась с такой быстротой. Почти исчезнувшее свиноводство достигло в 1923 г. одной трети уровня

1920 г. Но под руководством партии, пролетариат преодолел все трудности и победил на фронте разрухи и голода. К этому периоду относится оформление края первоначально под именем Юго-Восточного, возникновение Юго-Восточного бюро ЦК партии и первой краевой власти — Краевого экономического совета.

Национальный вопрос первоначально был разрешен путем образования Горской социалистической советской республики, включавшей в себя различные национальности. Образование Горской республики было необходимо в целях изживания национальной вражды, с одной стороны, и для ускорения процесса классовой диференциации среди горских народов,— с другой. В этом смысле на определенном этапе революции существование Горской ССР, многонациональной по своему составу и об'единявшей угнетенные при царизме мусульманские народности, служило для изживания националистическо-панисламистских иллюзий мелкой буржуазии.

Поскольку значительные массы казачества были втянуты в контрреволюцию, а значительные массы иногороднего населения боролись за советскую власть, постольку первоначально советская власть на местах рассматривалась, как власть „иногородних". Аграрный вопрос в этот период разрешался стихийно и беспорядочно. Втянутые в контрреволюцию бедняцко-середняцкие массы казачества Северного Кавказа в процессе гражданской борьбы осознали, что они были обмануты кулачеством и дворянством, превратившим бедняцкие и середняцкие массы казачества в пушечное мясо для отечественных и иностранных капиталистов. С ликвидацией колониальной политики самодержавия отмирает и казачество, как созданная царизмом система колониальной политики, как вооруженная сила, употреблявшаяся в целях колониальной политики.

С 25 по 28 марта 1923 г. в Ростове состоялась Первая краевая партийная конференция, имеющая историческое значение для партийного и советского строительства Северного Кавказа.

> „Значение первой конференции,—говорил т. Микоян,—увеличивается тем обстоятельством, что в связи с общим планом районирования, юго-восток в нынешних своих пределах, с небольшими своими изменениями, превращается в один из административных районов республики. Дальнейшая работа по районированию на основе решений XII с'езда партии и первой краевой конференции, рано или поздно приведет к окончательному оформлению края, как особой административной единицы, со своим выборным краевым советским органом и выборным краевым комитетом партии".

Районирование (июль-август 1924 г.) и оформление Северо-Кавказского края (I с'езд советов открылся 31 января 1925 г.) явились необходимыми этапами на пути социалистического строительства края. Национальный вопрос, как указано выше был разрешен первоначально путем образования Горской республики, распавшейся затем на ряд автономных областей, состоящих или из одного народа (например, Чечня), или из двух и более (например, Кабардино-Балкарская автономная область). Наиболее угнетенные при царизме горцы получили право на наибольшее внимание и

помощь. В области экономического и культурного строительства среди горских народов мы имеем огромные достижения. Однако, общая экономическая и культурная отсталость горских народов, элементы патриархально-родового уклада (адаты и т. п.), еще не изжитое влияние мусульманского духовенства, при помощи шариата (т. е. мусульманского канонического права), сохранявшего свое влияние над горским крестьянином, наконец, значительная роль ростовщического и торгового капитала, докапиталистических форм эксплоатации — все это стояло на пути горского крестьянства к социализму.

Уже в 1925-26 г. был превзойден довоенный уровень промышленности, в 1927-28 г. промышленность превышала довоенную на 63%, а количество рабочих возросло на 84%. Однако, посевная площадь в 1927-28 г. еще не достигла уровня посевной площади 1913 г. (1927 г.— 9.940 гектаров, 1913 г.— 11.331), вместе с тем изменялась и экономическая структура края в сторону повышения удельного веса промышленности, продукция которой уже в 1927-28 г. составляла 46,5% всей продукции.

Наконец, 1928-29 г. открывает период социалистической реконструкции края. Основной вехой на историческом пути пролетариата Северного Кавказа является 5 краевая партийная конференция (25 февраля — 4 марта 1928 г.), которая в соответствии с директивами XV с'езда партии дала основное направление в проведении генерального курса в социалистической реконструкции края, важнейшими моментами которой являются, во-первых, индустриализации края, превращение края из аграрно-индустриального в индустриально-аграрный и, во-вторых строительство совхозов, сплошная коллективизация и ликвидация на основе ее кулачества, как класса. Богатейшие возможности края для развития промышленности создают для этого необходимые предпосылки.

Значение нового момента характеризовал секретарь СККрайкома ВКП(б) т. Андреев на 3-м пленуме С.-К. Краевого комитета следующим образом:

> „Новое заключается в том, что мы до сих пор, главным образом занимались вопросами сельского хозяйства, хотели как-нибудь сдвинуть эту основную базу для реконструкции всего хозяйства края, иногда не уделяя достаточного внимания вопросам промышленности. Теперь настал момент, когда мы должны вопрос о промышленности выпятить вперед и переломить то отношение, которое сложилось по отношению к Северному Кавказу, как к краю исключительно сельскохозяйственному, как к краю, для которого перспектива одна, это — развитие сельского хозяйства.
>
> Такое отношение к краю мы должны попытаться переломить решительно, потому что Северный Кавказ имеет все основания, все предпосылки, все условия для того, чтобы двигаться в направлении и промышленного и сельскохозяйственного развития, превращаясь в край индустриально-сельскохозяйственный".

Сохраняя свое значение в качестве одного из основных с.-х. районов, Северо-Кавказский край должен обеспечить развертывание сельского хозяйства на основе социалистической реконструкции сельского хозяйства. Массы батрачества, бедноты и серед-

няков хлынули в колхозы с тем же энтузиазмом, как и в эпоху гражданской борьбы, когда они брались за оружие, чтобы защитить советскую власть. Пролетариат Северного Кавказа преодолел исключительные трудности. Перед партией и рабочим классом встала новая, не менее грандиозная задача, потребовавшая огромного напряжения сил и железной воли: укрепление и организация колхозного строительства и дальнейшая мобилизация масс на завершение постройки фундамента социализма.

В условиях диктатуры пролетариата „классовая борьба после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает, а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее". Наступление на капиталистические элементы города и деревни, переход от ограничения и вытеснения кулака к ликвидации его, как класса, неизбежно повлек за собой ожесточенное сопротивление с его стороны. На новом этапе мы наблюдаем обострение классовой борьбы, ожесточенное сопротивление кулачества, в эпоху гражданской борьбы послужившего ступенькой к диктатуре Деникина и иностранной интервенции.

Мы знаем, какое значение придавал Ленин непосредственному опыту масс. По поводу развертывания классовой борьбы в деревне он в 1918 году говорил: „Бедняцкое крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии". На новом этапе революции эта непримиримость интересов познается тоже на опыте социалистического переустройства.

В настоящее время мы видим на Северном Кавказе прочный союз рабочего класса с основной массой крестьянства и казачества и освобожденным от двойного гнета — туземных и российских эксплоататоров — горским крестьянством. На Северном Кавказе партия на практике решает важнейшую задачу будущих революций в колониальных странах: горские народы, находившиеся в огромном большинстве на пути к буржуазной демократии, в условиях диктатуры пролетариата, минуя капиталистический этап развития, вовлекаются в социалистическое строительство. Говоря словами Ленина: „Старому миру, миру национального угнетения, грызни и национального обособления рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни малейшего угнетения человека человеком". В условиях социализма, вместе с ликвидацией колониальной политики царизма „казачий" вопрос можно сдать в архив истории,— он составляет лишь часть общего вопроса о вовлечении бедняцко-середняцких масс в социалистическое строительство.

Уже нет того казачества, которое могли вести за собой отечественные и иностранные контрреволюционеры. На 6-й краевой партийной конференции (июнь 1930 года) представитель Донецкого округа, приветствуя конференцию от имени колхозного казачества, заявил:

— Товарищи, пусть забудет раз и навсегда западная буржуазия про того казака, который был до 1919 года. Того казака больше нет и не будет. Вместо него есть советский казак, колхозник казак. Если кто вздумает нарушить нашу трудовую семейную жизнь, мы, казаки, двинем свои красные полки в передовые ряды доблестной Красной армии.

Правильная политика партии в сложных условиях Северного Кавказа в период вооруженной борьбы и строительства сплотила вокруг пролетариата и полупролетарские элементы деревни, закрепила союз пролетариата с основной середняцкой крестьянско-казачьей и горской массой, и затем, в сплошной коллективизации, превратила эту основную массу в опору советской власти в деревне.

„Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на не колхозников из бедноты и середняков, пока еще нежелающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов несомненно убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации". (Из резолюции 6-й Сев.-Кав. краевой партконференции).

Проводя ленинскую линию на индустриализацию страны и создавая условия для развития производственных форм смычки с крестьянством, партия в процессе социалистического переустройства Северо-Кавказского края укрепила союз рабочего класса и деревенской бедноты с середняцкой массой.

„Партия добилась результатов в коллективизации, потому,—читаем мы в резолюции 6-й Северо-Кавказской краевой партийной конференции,— что она разгромила как контрреволюционный троцкизм, политика которого неизбежно вела к разрыву смычки с основными массами крестьянства, так и правых уклонистов с их политикой отказа от проводимой партией индустриализации страны, развертывания совхозов и колхозов и их политикой капитуляции перед кулачеством".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

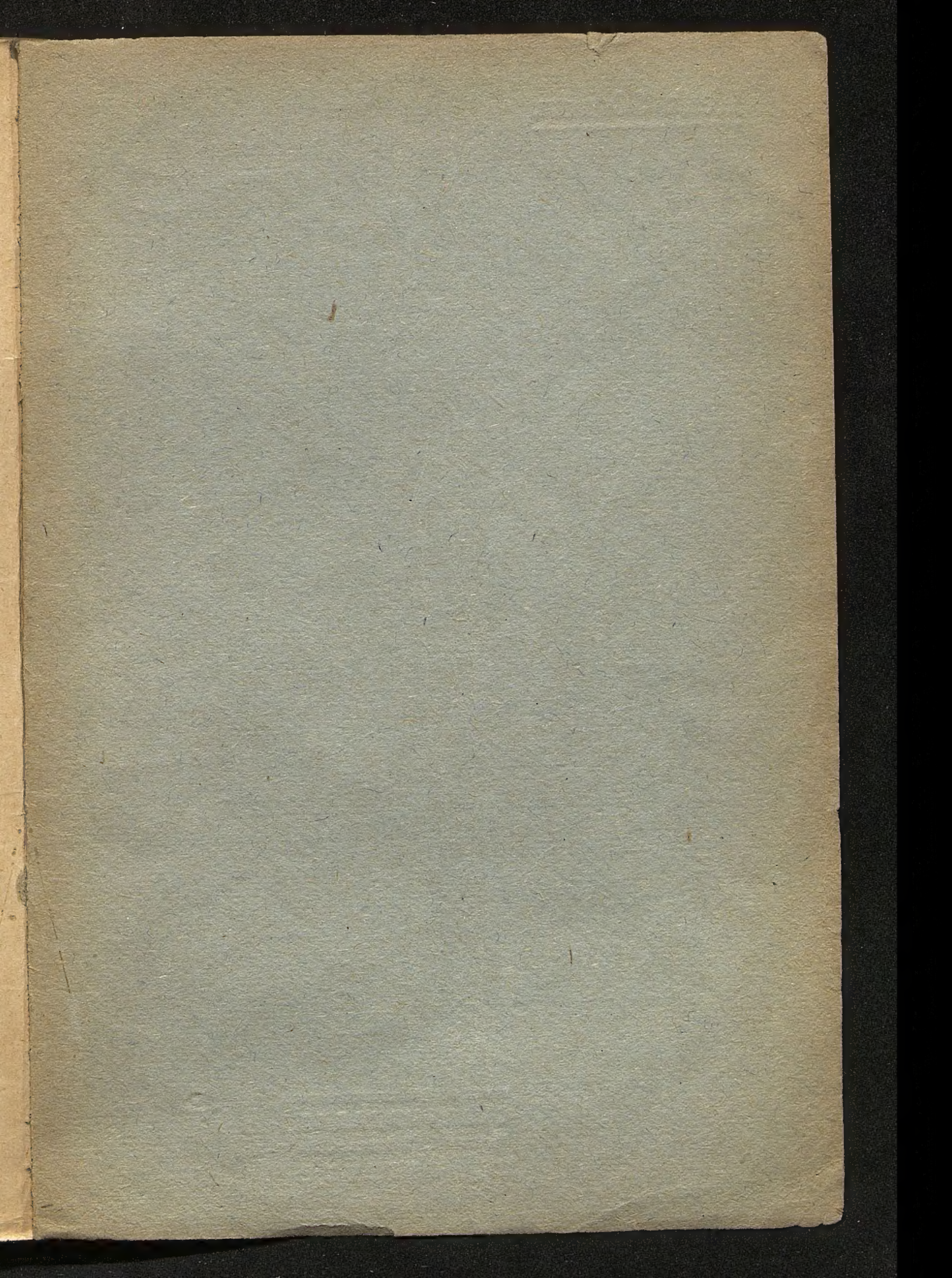
№ 1768
0—873

Технический редактор
ЖДАНОВИЧ Л. М.

Сд. в набор 2-X—1931 г.
Сд. в печать 25-X—1931 г.

Статформат А5 148х210
Гостипография им. Коминтерна СККПО в Ростове на Дону.

Уполкрайлит 1826 Заказ 2287. Об'ем 5 п. л. × 48.200 Тираж 5 000

Цена 50 коп.

СКЛАДИЗДАНИЯ
Ростов н-Д. Московская, 53.
КНИГОЦЕНТР